

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛЕТОПИСЬ РУССКОГО ШОТЛАНДЦА

“Сокровище неоцененное, материал по преимуществу исторический, не уступающий никакому акту в достоверности, исполненный множества любопытнейших подробностей!”¹ — так отзывался о “Дневнике” Патрика Гордона выдающийся историк Н.Г.Устрялов. С.М.Соловьев считал Гордона “одним из самых замечательных людей”, состоявших на царской службе, и был признателен ему за то, что он “изо дня в день записал свои похождения, свое житье-бытье и оставил нам любопытные известия о себе самом, о своих собратях, о России пред эпохою преобразования”² — и, добавим, о начале той эпохи.

Нет, наверно, сколько-нибудь сведущего в русской истории человека, который не знал бы имени главного наставника Петра Великого и не слышал о его журнале. Поразительно, однако, что спустя три столетия после его создания редчайший по своим достоинствам памятник нашего прошлого не издан, как подобает, ни в оригинале, ни в переводе, вопреки всем попыткам отдать ему должное. Лишь немногие исследователи имели возможность прибегнуть к рукописи непосредственно, большинство же до сих пор довольствуется публикациями, далекими от полноты и совершенства. Да и о самом авторе написано меньше, чем он заслуживает.

Патрик Гордон (1635—1699) родился в поместье Охлухрис, близ городка Эллон, в шотландском графстве Эбердин. Клан Гордонов издавна принадлежал к самым знатым и влиятельным в Шотландии, но будучи, по его словам, “младшим сыном младшего брата из младшей ветви рода”³, к тому же католиком в стране строгих пресвитериан, Патрик решает попытать счастья за морем, подобно тысячам своих земляков. В 16 лет он покидает охваченную распрями родину при нашествии войск Кромвеля и после наскучивших занятий в коллегии иезуитов в Восточной Пруссии и скитаний

¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. I. С. LXXXIV.

² Соловьев С.М. Соч. М., 1991. Кн. VII. С. 168.

³ Он был отпрыском ветви Гордон оф Хэддо, восходящей к XIV в. См. генеалогическую таблицу в приложении.

по Польше добровольно вступает в один из рейтарских полков шведского короля. Успев за короткий срок получить десяток ран в боях и дуэлях, Гордон приобретает немалый воинский опыт. Он несколько раз попадает в плен и, по обыкновению наемных солдат тех времен, довольно легко переходит из шведского стана в польский и обратно.

В 1661 г. молодой офицер предлагает свою шпагу царю Алексею Михайловичу и появляется в Москве в чине майора пехоты⁴. Царский посланник в Польше З.Ф. Леонтьев, который после долгих уговоров переманил его у австрийцев, едва ли мог предвидеть, какую услугу оказал отечеству, ибо тогда еще неприметному "шкотскому немцу" предстояло дважды сохранить престол своему воспитаннику — величайшему из русских государей. Гордон, в свою очередь, не подозревал, что едет в неведомую Московию навсегда, а его первые впечатления о стране и ее обитателях оказались столь неблагоприятны, что он горько раскаивался в своем выборе.

Впрочем, бесконечные войны с Речью Посполитой и Османской империей давали много возможностей отличиться. К началу 1665 г. царь пожаловал Гордона в полковники, а год спустя отправил через него послание к королю Чарлзу II в Лондон, и там он смог проявить себя в качестве дипломата. Затем он несколько лет стоял со своим полком в южнорусских и украинских городах — Трубчевске, Брянске, Новом Осколе, Севске и Переяславе, которым часто угрожали казацкие мятежи и татарские набеги. В 1669—1670 гг., получив отпуск, он посетил по личным делам родные края, где не был с юных лет, и стал почетным гражданином города Эбердина.

Доблесть и боевое искусство Гордона ярко проявились в Чигиринских походах 1677—1678 гг. Будучи начальником обороны Чигирина от полчищ турок и татар, он после отчаянного сопротивления поджег пороховой склад и покинул крепость последним, чем заслужил чин генерал-майора и командира гарнизона в Киеве, который возглавлял до 1686 г. В это время он обнаружил и незаурядные способности военного инженера.

В Крымских походах он участвует уже полным генералом, а в августе 1689 г., как старший из всех иноземных офицеров, приводит

⁴ Патрик не был первым представителем своего клана на царской службе. Капитаны Александер и Уильям, ротмистр Роберт, прапорщик Александер, сержант Джеймс и рядовой Томас Гордоны явились в Москву не позднее зимы 1631/32 г. и в составе полка Александра Лесли участвовали в Смоленской войне (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1, № 78).

их к Петру в Троице-Сергиеву Лавру и тем самым предопределяет падение царевны Софьи. Первые посещения юным царем Немецкой слободы связаны именно с Гордоном, и с тех пор генерал становится ближайшим советником Петра, особенно в области военных реформ. Он командует одним из первых и лучших полков регулярной армии — Бутырским, руководит "потешными баталиями", содействует формированию гвардии и основанию флота в Переславле и Архангельске, где в ранге контр-адмирала переводит на английский первый свод русских морских сигналов. При второй осаде Азова Гордон предлагает необычный план взятия крепости с помощью "подвижного" земляного вала, который быстро заставляет турок капитулировать.

Последнюю и важнейшую услугу он оказал царю в июне 1698 г. Во время пребывания Петра на Западе в составе Великого посольства Гордону удалось рассеять мятежных стрельцов в бою под Воскресенским монастырем и подавить их выступление; перед тем, как открыть огонь, он лично приезжал на переговоры в лагерь бунтовщиков, целью которых было, между прочим, "Немецкую слободу рубить". Московское правительство по достоинству награждало "Патрика Ивановича" крупным денежным и кормовым окладом, подарками и привилегиями (в том числе правом беспошлинного ввоза из Европы вина и т.д.), а Петр пожаловал ему два больших села в Рязанском уезде, так что он сделался еще и русским помещиком. Однако карьера его в России отнюдь не была безоблачной: постоянные ходатайства об увольнении привели к тому, что однажды князь В.В. Голицын пригрозил разжаловать его из генерал-лейтенантов в прапорщики и сослать в Сибирь! Все это подробно освещено в "Дневнике", который, естественно, представляет собой и автобиографию.

Хотя Гордон с полным правом считал себя прежде всего человеком военным, о своем "малом" участии в государственных делах он говорит с излишней скромностью. После личного знакомства с ним король Великобритании Джеймс II удостоил его ранга чрезвычайного посланника в Москве, где по понятным причинам назначение отклонили. Но с конца 1680-х годов Гордон в силу своего положения вполне мог воздействовать на политику русского правительства — и делал это. После так называемой "Славной революции" 1688—1689 гг. и низложения Джеймса II он долгое время удерживал царей Ивана и Петра от признания Вильгельма Оранского британским королем. Де-факто он сделался представителем партии якобитов (сторонников династии Стюартов) в России и заложил основы влияния этой партии при русском дворе, длившегося до середины XVIII в.

Видное место в ее рядах занимали генерал-майор царской службы, автор любопытной "Истории Петра Великого" Александр Гордон и главный командир Кронштадтского порта адмирал Томас Гордон; первый приходился Патрику зятем, второй, по некоторым данным, — племянником.

Вождь российских Гордонов, ставших к концу его жизни довольно большим кланом, был женат дважды; обе его супруги — Катарина Бокховен и Элизабет Ронар — происходили из осевших в Москве нидерландских фамилий. Из их многочисленного потомства выжили три сына и две дочери. Старший, Джон, смолоду вступивший прапорщиком в царские войска, вскоре уехал в Шотландию и поселился в родовой усадьбе Охлухрис, хотя управлял ею нерадиво; в 1698 г. он снова посетил отцовский дом в Москве. Средний, Джеймс (Яков), страстью к ратным подвигам и бесстрашной удалью походил на отца; бросив науки, он в 1689 г. примкнул к восстанию британских якобитов и сражался за них при Килликрэнки; вернулся в Россию под знамена Петра и с кончиной генерала Гордона принял Бутырский полк, но после Нарвы оказался в плену у шведов; в 1702 г. бежал из Стокгольма и при штурме русскими Нотебурга шел в первых рядах; покрытый ранами, он дослужился до бригадира, был возведен за заслуги отца в графы Римской империи и Мальтийские рыцари⁵; умер бездетным в Москве в 1722 г. Его младший брат Теодор (Федор) тоже состоял в бутырцах и в ходе Северной войны получил звание полковника; очевидно, большинство семейных бумаг, в том числе несколько томов "Дневника", перешли к его сыну — скромному петербургскому чиновнику, чье имя нигде не упоминается. Дочери Патрика, Кэтрин и Мэри, по два раза вступали в брак с шотландскими и немецкими офицерами, служившими царю, но рано овдовели и потеряли всех своих детей. Так угас род, который вполне мог бы принадлежать к высшей знати Российской империи.

Даже те, кто полностью признавал достижения Патрика Гордона, порой отмечали, что он "служил в России, но не России"⁷. Это верно лишь отчасти. Он в самом деле неустанно хлопотал о возвращении на родину и не желал умирать на чужбине, хотя московские

⁵ *Gordon of Auchintoul A. The History of Peter the Great, Emperor of Russia. Aberdeen, 1755. Vols 1—2.*

⁶ Граф Яков Гордон первым из уроженцев России был принят в Орден Св. Иоанна Иерусалимского (в 1706 г.), именуясь при этом "московитом" (*Archives of the Order of Malta, National Library of Malta, 265, f. 180*).

⁷ *Чарыков Н.В. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия. СПб., 1906. С. 559.*

власти удерживали его так упорно, будто считали совершенно незаменимым. Он был преданным сторонником дома Стюартов и ревностным приверженцем Римской церкви — первый католический храм в России воздвигнут благодаря его усилиям. Но не подлежит сомнению, что он честно и самоотверженно исполнял свой долг. Один из его биографов справедливо заметил, что он готов был "каждую минуту жертвовать своею жизнью и жизнью других для России и ее военной чести"⁸. Кроме того его связывали самые близкие и доверительные отношения с Петром. Царь часто навещал своего верного генерала и не мог сдержать слез у его смертного одра. 29 ноября 1699 г. "глаза того, кто покинул Шотландию бедным одиноким странником, были закрыты рукою императора"⁹. Похороны Гордона в основанной им церкви в Москве стали одной из самых торжественных церемоний петровского царствования¹⁰.

Личные качества Гордона, как и его заслуги, единодушно превозносились современниками, будь то западноевропейцы или русские. Вот свидетельство австрийского дипломата Иоганна Корба: "Благоразумие, зрелая рассудительность и предусмотрительная во всем заботливость украшали Гордона. Не гордясь своею известностью и отличаясь любезностью и приятностью обращения, Гордон особенно сумел привлечь на свою сторону москвитов, по природе своей недоброжелательных к иностранцам и враждебно относящихся к их славе. Поэтому при возникновении внутренних смут его дом представлял безопасное и надежное убежище для самих туземцев. Часто величаемый Государем именем "Батюшки" (*Patris*), почитаемый боярами, чествуемый думными, любезный дворянам и любимый чернью — он снискал себе у всех такое уважение, на какое вряд ли мог бы объявлять притязание иноземец"¹¹. Самому царю приписываются такие слова при погребении Гордона: "Я и государство лишились усердного, верного и храброго генерала. Когда б не Гордон, Москве было бы бедствие великое [очевидно, намек на стрельцкий бунт. — Д.Ф.]. Я даю ему только горсть земли, а он дал мне целое пространство земли с Азовом". А.К.Нартов, приводя эти слова, добавляет: "Сей чужестранец по сказанию тех, кои его лично знали,

⁸ *Брикнер А.[Г.] Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878. С. 37.*

⁹ *Passages from the Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries. Aberdeen, 1859. P. 193.*

¹⁰ О последних годах жизни и погребении Гордона см.: *Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698—1699). СПб., 1906.*

¹¹ Там же. С. 255.

любим был не только Петром Великим, но и подданными его. Смерть его была сожалением всеобщим¹².

Обширное рукописное наследие Гордона, как единое целое, не сохранилось. Не полностью дошла до нас и наиболее ценная его часть — журнал, который он вел почти на всем протяжении своей карьеры. Как и жизнь самого автора, судьба "Дневника" достойна не только научного исследования, но и исторического романа¹³. Из шести уцелевших томов IV и V попали в Московский Архив Коллегии иностранных дел среди конфискованных бумаг опального временщика графа А.И.Остермана, сосланного в Сибирь в 1741 г. Еще четыре тома (I, II, III и VI) в 1759 г. приобрел у потомков Гордона¹⁴ барон А.С.Строганов. От него они перешли к известному ученому и собирателю Г.Ф.Миллеру (1705—1783), после смерти которого также поступили в Архив Коллегии иностранных дел и, наконец, — в Военно-Ученый Архив Главного штаба. Преемник последнего — Российский Государственный военно-исторический архив в Москве — и хранит ныне все шесть переплетенных манускриптов (Ф. 846. Оп.15. Ед. хр. 1—6). Остальные книги, похоже, утрачены безвозвратно, хотя их долго и тщательно разыскивали в России и за ее пределами. Правда, в отечественных и зарубежных собраниях находится немало документов о службе Гордона, а также его письма; отдельные из них увидели свет¹⁵.

Патрик Гордон вел свои заметки для себя и "не предназначал их для всеобщего взора", но их по достоинству оценили уже некоторые из его современников. В 1724 г., возможно по воле самого Петра I, который поощрял историков своего правления и должен был знать о труде Гордона, граф Остерман впервые приступил к русскому переводу с оригинала, но бурная политическая деятельность поглощала все его силы. Нанятый им некий Волков сумел перевести лишь небольшой фрагмент за 1684—1685 гг. Через несколько лет академик Г.З.Байер использовал этот источник для изучения Крымских и Азовских походов,

¹² Рассказы Нартова о Петре Великом // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1891. Т. LII, № 8. С. 104—105.

¹³ *Vuxhoeveden S., Baroness. A Cavalier in Muscovy. L., 1932.*

¹⁴ У вдовы его внука, бухгалтера Петербургской Академии Наук и переводчика Адмиралтейств-коллегии. Об остальных томах владелица ничего не знала.

¹⁵ РГАДА. Ф. 9, 11, 142, 150, 158, 159, 210. *Kononov S. (ed.) Patrick Gordon's Dispatches from Russia, 1667 // Oxford Slavonic Papers. 1964. Vol. XI; Idem. Sixteen Further Letters of General Patrick Gordon // Ibid. 1967. Vol. XIII; Dukes P. Patrick Gordon and His Family Circle: Some Unpublished Letters // Scottish Slavonic Review. 1988. № 10.*

а затем упомянутый выше Г.Ф.Миллер проявил к нему еще большее внимание и задался целью перевести на немецкий язык, поручив дело своему ассистенту Иоганну Штриттеру. Последний усердно взялся за работу, но будучи убежден, что главное в тексте — военные события в России, он сильно сокращал или совершенно опускал все остальное, на его взгляд, не имевшее особого значения. К тому же Штриттер зачем-то изменил форму изложения от первого лица на третье, а его познания в английском языке и палеографии XVII в. оставляли желать лучшего, что привело ко множеству ошибок. В итоге получился не перевод, а вольное переложение или конспект. Недостаток средств и смерть переводчика помешали завершению и изданию труда, который скорее принадлежал Штриттеру, нежели автору.

Тому же Миллеру мы обязаны первым научным очерком о записках Гордона (на французском языке)¹⁶. Он был частично опубликован в "Опыте трудов Вольного российского собрания при Императорском Московском университете" (ч. IV, 1778); перевод этой заметки, а также статья "О начале Преображенского и Семеновского полков гвардии", в которой Миллер использовал сведения Гордона, появились в "Санкт-Петербургском журнале" в апреле 1778 г. До конца XVIII в. вышло еще несколько печатных работ, непосредственно связанных с нашим источником¹⁷. Но при всем внимании к Гордону в историографии тех лет, да и впоследствии, он обычно остается в тени других соратников Петра, особенно Лефорта. Так, в "Историческом изображении" И.И.Голикова шотландский генерал именуется "сослуживником славного женева", а биография его изложена вдвое короче¹⁸. Между тем Лефорт не только годился Гордону в сыновья, прибыл в Россию на

¹⁶ *Mémoires du Général Gordon écrits par lui-même (1766).* В том же году Миллеру было официально дозволено заниматься "Дневником" Гордона (РГАДА. Ф. 199. Портф. 1, № 2).

¹⁷ Описание жизни бывшего российского генерала Гордона // Академический, исторический и географический Месяцеслов на 1782 г.; Известия об осаде Азова в 1695 г. // Месяцеслов на 1783 г. Обе статьи переизданы в "Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы" (1790. Ч. V). В "Новых ежемесячных сочинениях на 1788 и 1789 гг." — выдержки о Чигиринских походах 1677—1678 гг. В "Российском магазине" (изд. Ф.О.Туманский, июнь и декабрь 1793) — перевод части "Дневника" за 1684—1685 гг.

¹⁸ *Голиков И.И. Историческое изображение жизни и всех дел славного женева... Лефорта... и сослуживника его, подобно же посвятившего себя службе Отечества нашего, знаменитого шотландца войск Его же Величества генерала аншефа Патрика Гордона, известного у нас под именем Петра Ивановича Гордона. М., 1800.*

17 лет позже и служил под его командой, но и обладал несравненно меньшими государственными способностями и заслугами.

Журналом Гордона интересовались и его соотечественники. В 1784 г. "Дневник" переписывал по заказу неизвестного аристократа некий Джон Ридли¹⁹. Из одного стихотворного послания лорда Байрона²⁰ следует, что в 1818 г. его издатель Дж. Меррей готовил к печати записки петровского генерала; по материнской линии прославленный поэт вел род от Гордонов и носил их имя, так что его свидетельство приобретает особый смысл. Задуманное издание не осуществилось, но этот эпизод в истории "Дневника" имел продолжение. В 1835 г. А.И.Тургенев вспоминал: "В бытность мою в Лондоне известный книгопродавец Муррай [Меррей. — Д.Ф.] — друг и издатель Байрона — уступил мне найденную мною у него рукопись, содержащую подробный "Журнал генерала Гордона", шотландца, служившего во время двоецарствия и потом при Петре I. В сем собственноручном, как кажется, журнале означает он хронологически и ежедневно... каждое происшествие его времени... Записки Гордона могут быть любопытны не только для истории сего времени, и особенно для биографа Петра Великого, но и для занимающихся историею государственного управления в России вообще... Возвращая рукопись сию России, желаю, чтоб она послужила материалом для будущего историка преобразований Петра I, а вместе с сим и доказательством моей преданности и любви к отечеству"²¹.

То, что А.И.Тургенев принял сначала за подлинник, на самом деле было копией, снятой с трех последних томов в XVIII в.²² Вернувшись в Петербург, он сразу же поделился находкой и увлек ею

¹⁹ Записки русских людей. События времен Петра Великого. Изд. И.П.Сахарова. СПб., 1841. Приложения. С. 97.

²⁰ Byron's Poetical Works. L., 1855. Vol. II. P. 394—395:

"Then you've General Gordon, Who girded his sword on To serve with a Muscovite master, And help him to polish A nation so owlsh They thought shaving their beards a disaster".	Генерал Патрик Гордон Мечом своим твердо Служил под Московскою властью, Учить помогая Люд странного края, Что мнил брадобритье несчастьем.
--	---

(Перевод мой. — Д.Ф.)

²¹ Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники. М.; Л., 1964. С. 103.

²² Хранится в Российской Национальной библиотеке, Санкт-Петербург. Отдел рукописей. Ф. 949, № 16.

своих знакомых. 21 декабря 1836 г. Тургенев отмечает в собственном дневнике: "Сын Келера переводит моего Гордона по Высочайшему повелению, а из Архива вытребовал и оригинал. Мой список с Архивского, но помечен рукою Мюллера... Сегодня о Гордоне. Пошел в дело мой сборник. Пушкину обещал о Шотландии"²³. Имя Пушкина возникает здесь не случайно — он собирал тогда сведения по истории петровской эпохи.

О том же предмете известно свидетельство чиновника канцелярии Военного министерства Д.Е.Келера (1807—1839): "[17 декабря 1836.] Был на бале у [Е.Ф.]Мейендорфа. Он и жена его говорили с Пушкиным о данном мне поручении перевести для Государя рукопись генерала Гордона. Я не танцевал и находился в комнате перед залой. Вдруг вышел Александр Сергеевич с Мейендорфом и нетерпеливо спрашивал его: "Mais où est-il donc? Où est-il donc?"²⁴. Егор Федорович нас познакомил. Пошли расспросы об объеме и содержании рукописи. Пушкин удивился, когда узнал, что у меня шесть томов *in 4°*, и сказал: "Государь говорил мне об этом манускрипте как о редкости, но я не знал, что он столь просторен". Он спросил, не имею ли других подобных занятий в виду по окончании перевода и упрашивал навещать его". При следующей встрече Пушкин убеждал Келера: "Продолжайте им заниматься, вы окажете большую услугу", — и предложил переводчику свою помощь, обещая показать выписку из Гордона на немецком языке о стрелецких делах"²⁵.

Итак, наш источник привлекал не только крупнейших представителей русской культуры, но и императора Николая I, который даже дал распоряжение Келеру заняться оригиналом и обсуждал этот проект с Пушкиным. Однако злой рок по-прежнему препятствовал начинанию. Пушкин, казалось, вступавший на путь Карамзина, погиб через несколько недель, а Келер пережил его лишь на два с половиной года.

Изучая тургеневский список, Келер узнал о существовании подлинника из статьи М.П.Погодина²⁶, в знаменитой коллекции которого находилось "изложение" Штриттера. По личному приказу императора все шесть томов были доставлены из Москвы, и Келер приступил к делу. Ему оказывали помощь первые ученые Петербурга, а также высшие сановники Империи: военный министр

²³ А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. II. С. 172—173.

²⁴ "Но где же он? Где он?" (франц.).

²⁵ Дневник Д.Е. Келера (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16, № 1150. С. 37, 40).

²⁶ О русских подьячих XVII в. // Библиотека для чтения, 1834. Т. V. С. 11. Эта статья основана на "Дневнике" Гордона.

граф А.И.Чернышев, статс-секретарь М.М.Брискорн, адмирал А.С.Грейг; последний, выходец из шотландского рода, советовал искать пропавшие тома "Дневника" на родине Гордона. Кроме исторических изысканий в русских архивах переводчик действительно пытался наводить справки в Британии, Австрии и Швеции. В 1837—1838 гг. первые "пять частей" перевода были представлены императору, а Келер удостоен подарков. Но "невероятные труды" и личные невзгоды Келера привели к "крайнему расстройству умственных и физических сил", попытке самоубийства и смерти в лечебнице для душевнобольных²⁷. Не совсем ясно, сколько успел сделать Келер, так как подлинник на части не делится; вероятно, это был первый том и начало второго. Как бы то ни было, в печати его перевод не появился, и последующие издатели о нем умалчивают. В 1840-х годах эта рукопись, как и сам оригинал "Дневника", хранилась в Собственной библиотеке Николая I в Эрмитаже²⁸, но затем след ее теряется.

Труд Келера был подхвачен историком М.Ф.Поссельтом (1805—1875) при содействии начальника Московского Главного Архива Министерства иностранных дел князя М.А.Оболенского, хотя Поссельт вернулся к идее немецкого, а не русского перевода — и воплотил ее. В 1849—1853 гг. в Москве и Петербурге вышло трехтомное, до сих пор наиболее подробное издание "Дневника"²⁹, к которому и сегодня обращаются ученые. Оно потребовало больших усилий и затрат, взятых на себя князем Оболенским и генерал-адъютантом Ф.Ф.Бергом. Однако нельзя не согласиться, что это сочинение "далеко не удовлетворительно"³⁰, поскольку оно опирается... на все тот же ущербный перевод Штриттера. Правда, Поссельт

²⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16, № 1150; Ф. 1. Оп. 1, № 12135.

²⁸ РГИА, Санкт-Петербург. Ф. 472. Оп. 17, № 299. Из дела (л. 4) явствует, что в начале 1846 г. Академия Наук просила предоставить ей "рукописи журнала Патрика Гордона для извлечения из онаго необходимо нужных для Академии сведений"; Николай I не позволил выдать "Дневник" из Эрмитажа, но разрешил просмотреть его во дворце.

В РГИА (Ф. 1646. Оп. 1, № 22) хранятся также обширные черновики историка П.М.Майкова (1833—1918) с частичным переводом "Дневника" Гордона и набросками примечаний к нему; очевидно, Майков готовил соответствующее издание. Однако его русский текст опять же основан на немецком переводе Штриттера и Поссельта; в результате польский сейм (у Гордона — парламент) именуется рейхстагом и т.д.

²⁹ Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Moskau, 1849. Bd. I; St. Petersburg, 1851—1853. Bd. II—III.

³⁰ Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи. М., 1982. С. 104.

использовал подлинник, значительно расширил объем переведенного текста и снабдил его полезными комментариями и приложениями. В собственном переводе, начиная с 1691 г., он позволил Гордону вести повествование от первого лица. Тем не менее и он допустил немало промахов (в частности, относительно шотландских слов и выражений), а пропуски подлинного текста в его публикации насчитывают десятки страниц, замененных кратким пересказом. Источник вновь подвергся безжалостному и произвольному сокращению, и более всего — первые два тома, где описан домосковский период службы Гордона. При всей своей основательности Поссельт не считал необходимым исправлять ошибки Штриттера и далеко не везде оговорил сделанные купюры, нередко пересыпая текст оригинала собственными замечаниями.

Все опубликованные впоследствии фрагменты "Дневника" так или иначе обязаны своим появлением Поссельту. На пороге Крымской войны родственник Гордона лорд Эбердин — президент шотландского исторического общества "Spalding Club" и будущий премьер-министр Британии — обратился к русскому двору с просьбой предоставить в копии те части "Дневника", где речь идет о родине автора. В 1859 г. по присланному Поссельтом списку "Spalding Club" напечатал первое издание памятника на языке оригинала³¹. В него вошли почти исключительно отрывки с описанием отрочества и начала карьеры Гордона и его поездок в Британию в 1666—1667 и 1686 гг., что составляет лишь малую долю целого.

О качестве долгожданных русских изданий конца XIX — начала XX в.³², основанных не на подлиннике, а на обратном переводе с немецкого, вряд ли стоит говорить, причем они обрываются уже на Чигиринских походах. Таким образом, ничего похожего на научное издание "Дневника" Гордона доныне не существовало, и по этому поводу приходится признать справедливость упреков "неблагодарной стране, в которой автору суждено было испустить свой последний вздох"³³.

³¹ См. выше, сноску 9. В приложении к этому изданию помещено 66 документов о поместье Охлухрис и его владельцах, главным образом из рода Гордонов, с 1370 по 1730 г. Многие материалы относятся к Патрику и его родным в Шотландии и России.

³² Гордон П. Дневник. М., 1892. Ч. I—II (Чтения Московского Общества истории и древностей российских. Пер. с нем. М.Салтыковой); Русская старина, 1916—1918; Киев в 1684—1685 годах по описанию служилого иноземца Патрика Гордона. Киев, 1875 (Из "Киевских Епархиальных Ведомостей", 1875).

³³ Passages from the Diary... P. IX.

И все же столь видной исторической личности не могло угрожать забвение. В 1878 г. коллега Посселята по Дерптскому университету и по изучению петровских реформ А.Г.Брикнер выпустил в свет большую статью, посвященную биографии Гордона и его запискам и не превзойденную до сих пор, во всяком случае на русском языке. Автор оценивает достижения "искуснейшего из Петровых генералов" и "патриарха Немецкой слободы" весьма высоко: "Едва ли кто-нибудь из иностранцев, находившихся в России в XVII столетии, имел столь важное значение, как Патрик Гордон. И продолжительностью своего пребывания в России, и участием в самых важных событиях, и положением, занимаемым им в государстве и обществе, он заслуживает большего внимания, чем многие другие более известные современники... Между источниками для истории этой эпохи дневник Гордона занимает одно из первых мест... [и] превосходит все подобного рода произведения"³⁴.

Критикуя упущения Посселята, Брикнер с сожалением замечает: "При громадности размеров подлинника едва ли можно рассчитывать на новое издание, более удовлетворяющее требованиям науки... Трудность подлинного наречия дневника и объем его едва ли позволили бы многим историкам воспользоваться этим источником надлежащим образом. Если... немецкое издание сравнительно мало, можно даже сказать, лишь в виде исключения было принято в соображение исследователями истории XVII в., еще менее можно рассчитывать на научную разработку английского подлинника дневника"³⁵. Размеры "Дневника" действительно впечатляют, но Брикнер (и не он один) напрасно винит Гордона в "чрезвычайно плохой и произвольной орфографии", в обилии искажений и темных мест. Напротив, почерк и язык автора довольно ясны и последовательны, особенно для XVII в., а большинство терминов, имен и топонимов не представляют особых затруднений, хотя неточности, конечно, встречаются.

Журнал Патрика Гордона, без преувеличения, — памятник уникальный. Русские летописи, как правило, анонимны и весьма скупы по содержанию, и сам жанр ежедневных заметок о службе и частной жизни в России практически неизвестен до XVIII в. Едва ли не единственное исключение — "Записки" И.А.Желябужского, но они во всех отношениях уступают Гордону. Что касается ино-

странных трудов о Московии, обращенных к широкому читателю и, возможно, обладающих большими литературными достоинствами (Олеарий, Мейерберг, Коллинс, де ла Невиль и др.), то царский военачальник имеет преимущество в хронологической точности и последовательности событий, в осведомленности и взгляде "изнутри". Не следует забывать и о более широком измерении: ведь помимо России Гордон служил двум другим могущественным державам — Швеции и Речи Посполитой, сохраняя при этом британское подданство, и объездил не только все европейские владения царя от Архангельска до Азова, но и ряд стран Запада; кстати, и в этих странах личные журналы XVII столетия исчисляются единицами, поэтому ценность показаний Гордона еще более возрастает.

Даже будучи необстрелянным рядовым рейтаром, он бдительно следил за военными и политическими событиями в Европе, старался собрать достоверные свидетельства о том, чего не видел сам, и осмыслить происходящее. Впоследствии, используя целую сеть доверенных лиц, раскинутую почти по всем крупным городам на пути между Россией и Британией, Гордон получал быстрые и точные сообщения о зарубежных делах. Другое достоинство автора — его беспристрастность. Несмотря на многолетнюю службу разным королям, он до конца не сроднился ни с одной из них, нередко воздавал должное противнику, не оправдывал пороки и жестокости своих сослуживцев, признавался и в собственных прегрешениях.

Шесть уцелевших томов "Дневника", при общем объеме рукописи (по авторской нумерации) 3183 страницы, посвящены событиям почти всей жизни Гордона от его появления на свет до 1699 г., когда он, ослабленный болезнью и старостью, уже не вел заметок³⁶. Хронологическое деление по книгам таково: I — до начала 1659 г.; II — 1659—1667; III — 1677—1678; IV — 1684—1690; V — 1690—1695; VI — 1695—1698. Два-три тома (или более) за 1667—1676 и 1678—1683 гг. утеряны. Есть и небольшие пропуски по отдельным годам.

Практически весь "Дневник" написан рукою автора, опрятным, разборчивым почерком, хотя плотность текста сильно колеблется, даже в пределах нескольких страниц. Исправления, пометки, ошибки (повторы, явные пропуски слов или букв) и надстрочные приписки немногочисленны; пометы на полях почти отсутствуют, за исклю-

³⁴ Брикнер А.[Г.] Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878 (перепечатано из "Журнала Министерства Народного Просвещения", 1878). С. 1.

³⁵ Там же. С. 5.

³⁶ Правда, из других источников известно, что в последний год жизни Гордон не был прикован к постели, иногда участвовал в празднествах, принимал царя и других гостей. Возможно, начатая в 1699 г. тетрадь "Дневника" не сохранилась.

чением дат и кустодов. Годы детства и юности изложены довольно бегло, а обстоятельные записи начинаются с 1655 г., когда Гордон вступил в военную службу. Именно тогда, по-видимому, он и решил взяться за перо. Во многих местах, особенно в ранние годы, заметны признаки последующей доработки. Беспокойная солдатская жизнь, сопряженная с походами, боями, пленом, пожарами и проч., не способствовала сохранности тетрадей, и автору, вероятно, не раз приходилось восстанавливать, переписывать и дополнять их. Однако нет сомнений, что он начал вести "Дневник" раньше, чем полагали прежние издатели: он сам говорит, например, что во время битвы под Варшавой (июль 1656 г.) записал все, что слышал на польском военном совете, в тот же день, а годом ранее сожалеет, что по болезни не смог передать свои впечатления о померанском походе. Живость и подробность изложения, обилие дат, имен и цифр также убеждают в том, что Гордон стремился ловить события по горячим следам, насколько это было возможно.

Если учесть, что Гордон происходил из отдаленной области на северо-востоке Шотландии, учился там же и никогда не жил в Англии, может показаться странным использование им английского, а не шотландского языка (*Scots*). К тому же его привязанность к родине вполне очевидна, и он всегда отчетливо разделяет шотландцев и англичан. Возможно, объяснение кроется в том, что обучение и в школе и в коллегии велось главным образом на латинском, а английское письмо он осваивал посредством литературных сочинений. Однако Гордон прекрасно владел родным наречием, как явствует из орфографии и лексики "Дневника". Это не раз причиняло трудности переводчикам, которые либо ошибались, либо просто пропускали непонятные слова и фразы (например, поговорку *burnt bairns fire dreid* — "обжегшись, дети боятся огня").

Стиль Гордона выдает скорее солдата, чем беллетриста; он довольно сдержан, безыскусен, не всегда гладок и порою суховат, но его никак нельзя назвать бедным. Автор был человеком образованным, хорошо владел несколькими языками, включая латинский, не расставался с книгами, цитировал античных и средневековых писателей, любил произведения Ариосто, Сервантеса и Марло, увлекался театром и музыкой и, как показал недавно Г.Хэрд³⁷, был корреспондентом "Лондонской газеты" — первой в Британии.

Содержание и тональность "Дневника" постепенно меняются: он все реже выражает личные размышления и переживания, а в последние годы становится все более кратким и бесстрастным. Но к строго хронологическим заметкам он не сводится. Здесь и очерки военных кампаний, и небольшие исторические наброски, и рассуждения о разных предметах (меморандум о государственном управлении и восточном вопросе для князя Голицына от 1684 г.) и т.д. Особенно подробен рассказ о Северной войне 1655—1660 гг. — трагическом времени "Потопа" для Речи Посполитой, когда почти все соседи ополчились на нее, а также о Чигиринских и Азовских походах россиян. В каждом из томов есть кульминационные точки, где взгляды и чувства автора переданы наиболее полно. Так, сознавая значение происходящего и словно собрав остаток сил, он подробно и эмоционально описывает стрелецкий бунт 1698 г.

Перед нами не только нарративный источник, хранящий память о множестве событий на доброй половине европейского пространства в течение полувека, но и ценное собрание документов. Гордон включил в свое повествование немало официальных и частных писем, свидетельств о службе, межгосударственных договоров, полковых списков, прошений, счетов, рисунков обороны чигиринской крепости и т.д.

В огромном по охвату журнале трудно было соблюсти единство стиля и избежать некоторого однообразия, тем более что Гордон касался не только великих, но и будничных событий, а иногда ему просто не хватало времени их запечатлеть. К тому же врожденная осторожность и благоразумие побуждали о многом умалчивать, так как записки могли попасться на глаза недоброжелателям. Можно пожалеть о том, что при встречах со знаменитостями своего века — полководцами, вельможами, правителями — он почти не останавливается на их внешности или характере и нередко даже не раскрывает содержание бесед с ними.

Гордон принадлежал к тому же поколению, что и русский царь Алексей Михайлович, британские короли Чарлз II и Джеймс II, монарх Речи Посполитой Ян Собеский, "князь-кесарь" Петра I Ф.Ю.Ромодановский, гетман Украины Юрий Хмельницкий, — и знал их всех лично. Он приходился ровесником французскому военному инженеру Себастьяну Вобану, английскому писателю Джону Драйдену, голландскому художнику Яну Вермеру и датско-немецкому композитору Дитриху Букстехуде — и, посещая места, где они жили и творили, благодаря своей любознательности вполне мог познакомиться с их произведениями. С другой стороны, он уде-

³⁷ Herd G.P. General Patrick Gordon of Auchleuchries (1635—1699): A Scot in Russian Service. Unpubl. Ph.D. Dissertation. University of Aberdeen, 1995.

ляет немало строк монотонному перечислению своих доходов и расходов или расстояний между лежавшими на его пути городами и местечками. Но следует принять мнение шотландского историка Дж. Робертсона: "Нам скорее стоит удивляться настойчивому усердию мемуариста, написавшего так много, чем обвинять его, что не написал больше"³⁸. Ведь даже самые обыденные сообщения о ценах на услуги и товары в Москве, Риге или Эдинбурге не лишены интереса.

В то же время "Дневник" изобилует яркими картинками из жизни XVII в. и разнообразными приключениями. Круг сведений, которые можно из него почерпнуть, необычайно широк — от боевой тактики и оружия до денежного обращения, от политики и дипломатии до медицины. Не в последнюю очередь это и удивительная хроника шотландской эмиграции. Куда бы ни забросила Гордона судьба, везде он мог чувствовать себя почти как дома — одних лишь соотечественников по клану на польской, шведской, австрийской и русской службе он упоминает несколько десятков.

Предлагаемый перевод рукописи знаменитого "русского шотландца", прямо причастного к важнейшим событиям российской и европейской истории в эпоху перехода от Средневековья к Новому Времени, — первый опыт ее полного научного издания. Я не ставил здесь целью сравнивать показания Гордона с другими источниками, исправлять или восполнять его изъяны — это, при необъятности материала, осуществимо только совместными усилиями ученых разных стран и направлений. Начало уже положено, и когда его сведения поддаются проверке, Гордон, несмотря на неизбежные погрешности, предстает вполне добросовестным и достоверным свидетелем³⁹. Прежде всего я стремился возможно более точно передать смысл и дух подлинника на русском языке, по необходимости опираясь на архаичные слова и обороты, а также идентифицировать приведенные автором термины, имена и географические названия.

В заключение, мой приятный долг — выразить искреннюю признательность руководству и сотрудникам Российского Государственного военно-исторического архива, особенно И.О.Гаркуше и М.Р.Рыженкову, — за предоставленную возможность использо-

³⁸ Passages from the Diary... P. XVI.

³⁹ Посселят, сопоставляя факты "Дневника" с авторитетными трудами современников — "De Rebus a Carolo Gustavo Sveciae Rege Gestis Commentariorum" Самуэля Пуфендорфа и "Annalium Poloniae" Веспазьяна Коховского, нередко отдает предпочтение Гордону.

вать подлинную рукопись "Дневника" Гордона и другие богатства Архива; моим шотландским друзьям Полу Дюксу и Грэму Хэрду — за ценные соображения и неизменное гостеприимство во время моей работы в Шотландии; Ю.М.Эскину — за консультации по обширному кругу вопросов; Иерониму Грале и С.В.Думину — за помощь в переводе польских имен и терминов; А.А.Россиусу — за определение источников латинских цитат; А.Л.Бондаренко — за оформление иллюстраций и карты; моим коллегам по Институту всеобщей истории Российской Академии Наук и Московскому Каледонскому Клубу, а также моей семье — за поддержку и всемерное содействие.

Д.Г.Федосов

КЛИНОК, ПЕРО И “БУНТАШНОЕ ВРЕМЯ”

Детство и юность Патрика Гордона (1635—1699) прошли далеко не безмятежно — самые ранние его воспоминания связаны с “великими смутами”¹. Совсем близко от его родовой усадьбы Охлухрис пролилась первая кровь гражданской войны в Британии, и отец Патрика вместе с кланом Гордонов одним из первых взялся за оружие. Мелкая усобица, какой она вначале представлялась, повлекла за собой английскую революцию, казнь короля и утрату независимости древнего Королевства Скоттов. Летом 1651 г., когда Патрик отплыл из Эбердина в польские владения, исход борьбы был предрешен. Республиканские войска Оливера Кромвеля захватили важнейшие города Шотландии и вскоре окончательно сломали своих противников². Патриотам и роялистам — а наследник поместья Охлухрис показал себя и тем и другим — осталось покориться или предпочесть изгнание.

Гордон все же уехал за море по доброй воле, но смог вернуться домой, да и то ненадолго, лишь спустя 18 лет. Даже по меркам авантюрного XVII в. его жизнь богата похождениями. Он с отличием служил трем великим державам — Швеции, Речи Посполитой и России, оставаясь, во всяком случае в собственных глазах, верным подданным четвертой — Великобритании. После ужасов Тридцатилетней войны, распрей и революций первой половины столетия Европа не смогла обрести покой, и судьба направляла Гордона в те страны, что как раз тогда переживали тяжелейшие времена. Особенно трагичными были 50-е годы для Речи Посполитой, которая в одиночестве билась едва ли не со всеми своими соседями и стояла на краю гибели; “Потоп” унес жизни почти половины ее обитателей³. На долю Русского государства в правление Алексея Михайловича также выпала целая череда невзгод: изнурительные войны с Польшей и Швецией, Соляной и Медный бунты в столице, мятежи во Пскове, Новгороде и других городах, волнения на Украине и среди племен Повол-

¹ Гордон П. Дневник 1635—1659. М., 2000. С. 6.

² Donaldson G. Scotland: James V — James VII. Edinburgh, 1978. P. 342—357; Dow F. Cromwellian Scotland 1651—1660. Edinburgh, 1979.

³ Kochowski Wespazjan. Lata Potopu 1655—1657. Wyd. A. Kersten. Warszawa, 1966.

жья, Урала и Сибири, Разинщина, набеги крымцев, Раскол церкви и осада Соловецкого монастыря. Все эти события “бунташного времени” разворачивались накануне или после переезда Гордона в Москву в 1661 г., иногда с его прямым участием. Даже когда он был послан с мирной дипломатической миссией в Англию, пришлось пробиваться через области, охваченные войной и моровым поветрием, и прибыть на пепелище, оставленное самым страшным в истории Лондона пожаром. А в будущем предстояли Чигиринские, Крымские и Азовские походы и последнее стрелецкое восстание! Непостижимым образом провидение хранило Гордона, несмотря на множество ран, от польских сабель, шведских мушкетов, русских пицалей, татарских стрел и от шпаг собратьев, не раз посягавших на его честь.

“Сыном Марса” он стал не сразу. Хотя в “Дневнике” годам учения уделено всего несколько строк, автор, похоже, занимался весьма усердно как в приходских школах Эбердиншира, так и в иезуитской коллегии города Браунсберг в Восточной Пруссии. В протестантский университет Эбердина, один из старейших и лучших в Британии, Гордон поступить не мог, исповедуя католическую веру, но среди его наставников, чьи имена он с благодарностью вспоминал, скорее всего были питомцы Эбердина. Образовательные традиции иезуитов также пользовались заслуженной славой.

Патрик обладал живым умом, любознательностью, цепкой памятью и несомненными способностями к наукам. Кроме родного языка в шотландском и английском вариантах, он прекрасно овладел латинской речью и письмом, вполне освоил немецкий и польский (упорно совершенствуясь даже в тюремных условиях!), а затем и русский. Он очень любил книги, всегда держал их при себе как наивысшую ценность и не упускал случая пополнить свое собрание. В круг его чтения, судя по отдельным намекам и цитатам, входили Священное Писание, Тит Ливий, Овидий, Вальтер Шатильонский, Фома Кемпийский, Лудовико Ариосто, Цезарь Бароний, Мигель де Сервантес, Кристофер Марло, Уильям Кэмден и, вероятно, Сигизмунд Герберштейн⁴. Этот ряд имен обличает довольно широкие взгляды — перед нами человек образованный и одаренный.

Возможно, Патрик сумел бы кое-чего достичь на поприще ученого, однако его “дух не мог вынести замкнутого и строгого образа

⁴ Этот список, кроме Сервантеса, извлечен только из первых двух томов “Дневника”; вполне допускаю, что мне удалось выявить не все литературные аллюзии. Гордон не был равнодушен и к драматургии и в 1686 г. отметил свое посещение “Гамлета” в королевском театре в Лондоне — вероятно, первое упоминание о Шекспире в русском контексте.

жизни”⁵. Следуя своей мечте и извечному призванию шотландских дворян (в Европе не было короны, которая обходилась без их услуг)⁶, он покинул коллегию, добрался до Гамбурга и вступил в конный полк герцога Саксен-Лауэнбургского, состоявший на службе короля Швеции. С того дня Гордон обрек себя на постоянные испытания и смертельные опасности, к чему, разумеется, должен быть готов любой солдат. Но следует учесть, что он впервые взялся за палаш и пистолет, начал служить с низшего чина, без жалованья и каких-либо привилегий, не понимал языка своих товарищей и во всем мог рассчитывать только на себя самого. Единственным его преимуществом было происхождение, ибо, где бы он ни оказался, рядом всегда были соотечественники, помогавшие словом и делом.

Старший современник и земляк Гордона, сэр Томас Архарт оф Кромарти, с гордостью перечислив десятки шотландских генералов и полковников во всех армиях христианского мира, не без юмора заметил, что в те времена “какая бы битва... ни грянула на европейском континенте, шотландцы никогда не бывали совершенно опрокинуты и повержены на поле брани, ибо если некоторые и попадали в плен, иные из той же нации бывали победоносны и давали [им] пощаду”⁷. Другие свидетели и сам Гордон это подтверждают: так, после капитуляции русских под Чудновом в 1660 г. царский полковник Крофорд сдался “польскому лорду” Хенри Гордону и без выкупа получил свободу (см. “Дневник”, л. 120 об.)⁸. Земляки сопутствовали Патрику везде — в балтийских портах, польских темницах, русских слободах, германских тавернах, лондонских дворцах и во всех ратных трудах⁹. Кое-кто, подобно Полу Мензису и Александеру Лэнделсу, следовал за ним из одной службы в другую, не расставаясь до самой смерти. Будучи многим им обязан, Гордон тоже не жалел усилий, когда надо было выручить собрата в беде, помочь с производством в чине или с кем-нибудь поделиться. “Храбрые шотландские сердца и

⁵ Гордон П. Указ. соч. С. 9.

⁶ О военных традициях шотландцев за пределами Великобритании см.: The Scottish Soldier Abroad 1247–1967. Edinburgh & Maryland, USA, 1992.

⁷ Urquhart, Sir Thomas. The Jewel. Edinburgh, 1983. P. 98. В этой книге, изданной в 1652 г., Архарт упоминает и кое-кого из будущих соратников Гордона — “шведа” Дугласа, “австрийца” Хендерсона и “московита” генерала Лесли.

⁸ Здесь и далее при ссылаках на второй том “Дневника” указаны номера листов подлинника, отмеченные в переводе.

⁹ По моим подсчетам число одних лишь поименно названных шотландцев в первом томе “Дневника” составляет 127, во втором — 118 человек. В большинстве это военные, так что в некоторых шведских и польских боевых частях офицеры предпочитали палаш и пистолеты шотландской работы, а пивной паек измерялся шотландской пинтой.

клинки” — главные герои записок Гордона, и сам он оказался достоин своих лучших предшественников и боевых товарищей. Как гласит грамота, скрепленная выдающимся полководцем той эпохи — князем Юрием Любомирским, командир его личной драгунской роты “снискал славу и честь и вполне оправдал имя шотландца, знаменитое повсюду военной доблестью” (л. 116 об.). Почему же все начальники Патрика Гордона, будь то шведы, поляки или русские, никак не желали давать ему увольнение?

С первой польской кампании, начавшейся в июле 1655 г., юный солдат удачи неудержимо рвался вперед. Даже вовсе не имея опыта, он при любой возможности искал боя, вызывался “охотником” на авангардные дела и рекогносцировки, что стоило ему нескольких ранений. Уже 29 июля он с передовым шведским отрядом вступил в Познань, а в августе и сентябре получил от поляков две пули в левый бок. Вскоре он научился преодолевать приступы страха, которых не стыдится признавать. В “Дневнике” рассеяно много свидетельств отваги, хладнокровия и находчивости Гордона как в военных условиях, так и в мирную пору. Эти случаи не приукрашены — совсем напротив. Он вел журнал для себя самого, так что рисоваться или лукавить было ни к чему. Иногда из описаний жарких, кровопролитных боев мы узнаем о его личном участии в последнюю очередь, словно ненароком. Можно только догадываться о его отличии в кавалерийской схватке шведов с данцигцами в январе 1657 г., пока запись в другом месте не поясняет, что ему достался сабельный удар в голову¹⁰. Одна из жесточайших битв русско-польской войны — Чудновская — подробно освещена автором с присущим ему сдержанным чувством, но лишь заключительная фраза бесстрастно сообщает о двух его ранениях (л. 79—81). Вырвавшееся у него однажды восклицание: “Мужество все преодолевает!” надо признать девизом всей жизни. В глазах современников и историков разных стран и эпох то был истинный храбрец, чуждый тщеславия и бахвальства.

Шведская армия, преобразованная королем Густавом Адольфом и усиленная Карлом X, слыла едва ли не лучшей в Европе и давала отличную школу дисциплины и тактического искусства; историки признают ее “одной из наиболее совершенных военных машин, которые когда-либо существовали”¹¹. Новобранцам, правда, не стоило ждать снисхождения: из-за мелких проступков и нерасторопности по спине Гордона сразу же прошлись тростью полковника, шпага лейте-

¹⁰ Гордон П. Указ. соч. С. 108, 147—148.

¹¹ Андерссон И. История Швеции. М., 1951. С. 241; см. также: История Швеции. М., 1974.

нанта и палаш капрала. Сильно донимали его и издевки однополчан-немцев — “простых мужланов, привычных к молотье”. Однако он ни на миг не забывал о своих знатных предках, отбросил робость и сумел поставить себя так, что впредь никто не оскорблял его безнаказанно. Сознание собственного достоинства никогда его не покидало, проявляясь со временем в склонности к образцовой экипировке и изысканным нарядам, в содержании многочисленной свиты слуг, включая шляхтичей и “дворецкого”, и в стремлении поддерживать свое доброе имя. На войне это чувство побуждало Гордона при атаке идти в авангарде, а при отступлении прикрывать товарищей; так было и во время погони поляков за его малочисленным разъездом между Пшасньшем и Млавой¹², и против русских и казаков под Чудновом и Слободищей, и при обороне Чигирина от турок и татар.

Первого офицерского звания — прапорщика у шведов — пришлось добиваться долго, два с половиной года, но задатки командира проявились гораздо раньше. Не случайно фельдмаршал Дуглас поручил сформировать ядро своей лейб-роты именно Гордону, который затем отстаивал ее интересы перед самим королем Швеции. К тому же Патрик настойчиво постигал ратную науку: во время сражений за Варшаву, помимо прямых обязанностей, он “часто отправлялся в лагерь, особенно при вести о каком-либо предстоящем бое или приступе, с целью приучиться к опасностям и усовершенствовать познания в военном деле”¹³. Очень скоро, к концу Северной войны 1655—1660 гг., он превратился в искушенного ветерана, все более ценного в войсках. Гетман Любомирский, осадив Грауденц, спросил у него совета, на каком направлении сосредоточить силы, занял указанную им позицию и взял крепость всего через неделю (л. 7 об.—8 об.). Так приобреталось “полное доверие лиц самых различных наций и положений” и “уважение, с которым имя [Гордона] произносилось воинами трех народов”¹⁴.

Отличаясь рвением и исполнительностью, Гордон всегда требовал того же и от подчиненных, как только они у него появились. Примечательны его наставления во время похода по Польше своей первой роте драгун, набранной по приказу Любомирского из пленных шведов: “ни в коем случае не применять насилие ни к одному человеку; довольствоваться тем угощением, что им смогут подать сельяне;

¹² Гордон П. Указ. соч. С. 177—178.

¹³ Там же. С. 86.

¹⁴ Дневник генерала Патрика Гордона. М., 1892. Ч. I. С. 7. Это русское издание, как и ряд других, представляет собой далеко не полный вторичный перевод с немецкого издания М.Ф. Посселята, которому принадлежит приведенная цитата.

здоровым особенно ухаживать за больными, помогать им передвигаться и располагаться на квартирах... Я обещал постараться об их размещении..., обеспечить как можно скорее добротной и теплой одеждою и сапогами" (л. 20—20 об.); и ниже: "я соблюдал строгую дисциплину, а когда жалобы удостоверялись свидетелями или иным образом, сурово наказывал [виновных]" (л. 39 об.). Такие меры могли бы показаться вполне естественными, но то было время повсеместных злоупотреблений, жестокостей и вымогательств, когда в походе или на постое офицеры и солдаты обращались со своим народом немногим лучше, чем неприятель, а командиры часто обирали собственных солдат. Гордон, побывав в шкуре рядового, искренне и тщательно заботился о своих людях, нередко сопереживал им и делал все возможное, чтобы вверенные ему части, от драгун Любомирского до Бутырского полка, были обучены, экипированы и вооружены наилучшим образом. Вместе с тем его требовательность и строгость не были чрезмерны.

Качества и поступки Гордона, как и следовало ожидать, небезупречны. Его кодекс чести — сословный кодекс дворянина и наемного воина тех времен, не возбранявший ограбление простолудинов или угон у них скота, тем более если те являлись подданными враждебной короны. "Довольно наивно сознается он иногда в задних мыслях, в наклонностях к некоторым проискам"¹⁵. Нельзя исключать и того, что в "Дневнике" раскрыты не все грехи автора. Однако, во-первых, он прямодушно кается в них, признавая, что "многое по праву заслуживает всеобщего осуждения и кары Всемогущего Господа", называет свое конокрадство "весьма гнусным преступлением" и оправдывается тем, что "едва ли возможно быть солдатом, не будучи угнетателем и не совершая многих преступлений и жестокостей"¹⁶; ведь шведы долгое время не платили ему ни гроша, а кавалеры, более разборчивые в средствах к существованию, иногда кончали голодной смертью или безумием. Во-вторых, хотя Гордон всячески старался пополнить свое состояние и не прощал обид никому, даже крестьянам, до алчности и бессердечия он не опустился. Упомянутые случаи связаны только с первым этапом его карьеры, с порой молодости. Став офицером и перейдя на твердое жалованье, он не позволял подобного ни себе, ни своим людям.

Что касается переходов из одной армии в другую, то и это было в порядке вещей, и при соблюдении определенных норм (истечение

срока выкупа или размена пленных) нисколько не считалось предосудительным. Во многом из-за своего "юношеского задора" Гордон за три с небольшим года попадал в плен шесть (!) раз, причем почти ко всем воюющим сторонам: полякам, бранденбуржцам, данцигцам и "имперцам". Дважды он совершал побег, один раз был разменен и трижды получал свободу, соглашаясь на условия противника. Рассуждения на этот счет в "Дневнике" пространны, хотя не всегда последовательны, и сводятся к выводу, что лучше поступить так, чем сгнить в тюрьме или подвергнуться казни¹⁷. По понятиям эпохи это было оправдано, и ни шведы, ни поляки не ставили "смену мундира" в вину Гордону, когда он возвращался под их знамена. Справедливость требует признать, что, присягнув какой-либо короне, он служил ей верой и правдой, не щадя жизни. Службу он менял не раз, насколько известно по "Дневнику" и другим источникам, слову своему не изменял никогда.

Портрет Патрика Гордона можно дополнить еще несколькими чертами. С юных лет он был набожен и с годами становился все более благочестив. В период царской службы он редко имел возможность исполнить свой христианский долг, ибо в Московии запрещалось строительство католических храмов; первый из них был основан по прошению самого Гордона в 1684 г., что стало одним из величайших дел его жизни¹⁸. Его "существо всегда противилось невоздержанности", и хотя в начале пути иногда случалось "проводить ночи в занятиях, не подобающих христианину"¹⁹, к излишества, столь свойственным людям его круга, он был не склонен. Искусный дуэлянт и учтивый кавалер, не отказывавший себе в обществе дам, в кубке доброго вина, партии в карты и заезде на скачках, он и в молодости не заслужил репутации бретера или повесы. Наконец, он предстает увлекательным собеседником и человеком остроумным, любившим шутку даже перед лицом смерти; отбиваясь от наседавших со всех сторон поляков, перед прорывом через топь, он увещал товарищей-шотландцев: "Бейтесь хотя бы за то, чтобы погибнуть на суше. Пусть не говорят, будто мы умерли в канаве!"²⁰ Но ему была уготована совсем иная участь.

¹⁷ Там же. С. 225—227.

¹⁸ Цветаев Д.В. История сооружения первого костела в Москве. М., 1886.

¹⁹ Гордон П. Указ. соч. С. 21, 59. В статье к этому изданию приведены отзывы о Гордоне его современников и историков.

²⁰ Там же. С. 178.

¹⁵ Брикнер А.[Г.] Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878. С. 134. До сих пор это лучшее исследование о Гордоне и его труде на русском языке.

¹⁶ Гордон П. Указ. соч. С. 69, 136.

* * *

1659 год, который завершает первый и открывает второй том “Дневника”, застиг автора на очередном повороте судьбы. В последний раз в жизни оказавшись в плену, Гордон стоял перед выбором, и со своей обычной смелостью отверг предложение Яна Собеского, будущего короля Польши и освободителя Вены. Речь шла о роте драгун, размещенной на землях тогда еще коронного знаменосца; пленник заявил, что “юношей уехал из отечества в поисках славы, а сидя по имениям и квартирам, ничего подобного ждать не стоит”²¹. Тогда его передали в распоряжение великого коронного маршала и польного гетмана, князя Юрия Любомирского, — одного из первых лиц Речи Посполитой, во многом определявшего ее политику и стратегию. Но и этот вельможа сначала встретил отказ, поскольку упрямый шотландец не хотел пребывать в прежнем чине прапорщика “ни у одного государя во всем Христианском мире”. В конце концов сошлись на звании драгунского квартирмейстера.

Записки Гордона рассматривались историками преимущественно как источник по российским событиям; действительно, почти сорокалетний период службы в Московии представлен наиболее полно, несмотря на утрату двух или трех томов. Между тем “Дневник”, благодаря размаху деятельности автора, содержит любопытные сведения о Великобритании, Нидерландах, шведских и германских владениях и даже о венгерском графстве Сепеш (Ципс, ныне словацкий Спиш), где ему довелось несколько месяцев квартировать. Но особенно разнообразен и ценен материал о Речи Посполитой — эту страну Гордон за десять лет узнал превосходно. Его имя, конечно, знакомо польским исследователям: так, Мирослав Нагельский в монографии о Варшавской битве 1656 г. приводит потери сторон именно по Гордону²². Однако и он, и его коллеги, по-видимому, не обращаясь к подлинному тексту “Дневника”, ссылаются на немецкий перевод М.Ф. Поссельта²³, крайне несовершенный, полный пропусков и ошибок. В этом отношении, как и в других исторических аспектах, достоинства оригинала еще предстоит оценить. Наиболее “польским” является первый том “Дневника”, где детально и со знанием дела изложен ход Северной войны почти на всей территории королевства, но

²¹ Там же. С. 223.

²² Nagielski M. Warszawa 1656. Warszawa, 1990. S. 212. Ср.: Гордон П. Указ. соч. С. 92.

²³ Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Moskau, 1849. Bd. I; St. Petersburg, 1851—1853. Bd. II—III. Об этом переводе см. ниже, а также статью к первому тому “Дневника” (Гордон П. Указ. соч. С. 229—245).

и второй том охватывает еще два с половиной года польской службы Гордона, что составляет почти половину объема данной рукописи.

Автор успел поучаствовать в действиях против своих бывших соратников — шведов, хотя с получением команды над первой в его карьере боевой частью (ротой драгун) появились и другие заботы. Во время марша на зимние квартиры через всю страну, разоренную дотла и озлобленную, его плохо одетых и вооруженных новобранцев косил мор, а предназначенные для постоя села оказались заняты гусарами гетмана Потоцкого. Капитан²⁴ должен был проявить всю свою изобретательность и решимость, чтобы выйти из положения. Поместная шляхта, города и крестьяне вели настоящую войну с такими отрядами и часто представляли не меньшую угрозу, чем самый непримиримый враг. Очень ярко описаны в “Дневнике” столкновения с бабимостским старостой и дворянином по имени Крупка-Пшецлавский (л. 26—27 об.; 30—33), а позднее — дерзкий штурм Гордоном неугодившего ему города Пшемысля и последующее побоище с крестьянами (л. 100—106 об.). Попутно приведены интересные подробности о внутреннем строе и борьбе партий в Польше, а также о быте и нравах шляхты.

Главное место в “польском разделе” второго тома, бесспорно, принадлежит волынскому походу 1660 г., более известному по названию города, где произошла развязка, как Чудновский. Об этой роковой для русских кампании писал еще С.М. Соловьев²⁵, но в отечественной историографии очень давно не появлялось серьезных трудов ни о ней, ни, что удивительно, о русско-польской войне 1654—1667 гг. в целом.

К началу похода Гордон занимал довольно высокий пост командира лейб-драгун (сдвоенной роты из 200 человек) маршала Любомирского, одного из двух польских главнокомандующих, и был весьма близок к своему начальнику. Маршал, он же польный коронный гетман, формально подчинялся великому гетману Потоцкому, но, ввиду старости и немощи последнего, брал самые важные решения на себя. Заметная роль отводилась и одному из его лучших офицеров.

Обстоятельный, почти ежедневный рассказ Гордона о чудновской эпопее в основном согласуется с польскими описаниями²⁶ и су-

²⁴ Де-юре Гордон не был утвержден в чине капитана польской армии, но имел капитанскую должность. Грамота Любомирского именует его капитан-лейтенантом.

²⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. М., 1991. Кн. VI. С. 84—88. См. также: Барсуков А.П. Род Шереметевых. СПб., 1888. Кн. V; Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. I.

²⁶ Romański R. Cudnów 1660. Warszawa, 1996.

щественно их дополняет: например, дается не только состав дивизии Любомирского, но и численность отдельных боевых частей (л. 55). Вместе с тем шотландцу не свойствен хвалебный тон реляций победившей стороны. Он отдает должное быстроте маневров и стойкой обороне русских, которые, даже сложив оружие, отбивались от татар конскими костями. Показаны и трудности, и тяжелые потери поляков, в чьем стане при вести о приближении казачьих войск Юрия Хмельницкого возникла паника, так что по настоянию Любомирского пришлось рисковать разделением сил. Но верх взял тот, кто допустил меньше ошибок. От Гордона не укрылись грубые просчеты царского воеводы В.Б. Шереметева: пассивная, выжидательная тактика, несогласованность действий с Хмельницким и даже с находившимися рядом казаками Тимофея Цецуры, оставление противнику Чуднова с его замком и обильными припасами и т.д. Сам автор "Дневника", по обыкновению, бился в первых рядах. Оценивая его вклад в дело против казаков под Слободищей, польский историк Ромуальд Романьский отмечает, что "Любомирский питал доверие к этому офицеру, ибо дважды в течение одного дня поручал ему столь ответственные задачи"²⁷. В решающем сражении при Чуднове 4/14 октября 1660 г. Гордон был дважды ранен, а урон его роты в этом походе по неполному счету достиг 26 убитых и 59 раненых, в том числе смертельно, т.е. почти половины состава.

Не минуло и года после Чуднова, как Гордон внезапно, по случайному стечению обстоятельств, оказался на противоположной стороне. Невозможность устроиться на родине даже после реставрации Стюартов, неудачная попытка набрать конный полк для Германского императора и нежелание возвращаться к полякам после полученного с трудом увольнения заставили его уступить уговорам царского посланника З.Ф. Леонтьева. Сомнениям положил конец полковник Крофорд (Крафорт) — "русский шотландец", плененный под Чудновом и убедивший земляка в милостях царя. В начале сентября 1661 г. Гордон прибыл в Москву, был допущен к руке Алексея Михайловича и принят государем благосклонно, успешно прошел испытание в ратном искусстве и получил чин майора в полку Крофорда, который принадлежал к новому для рейтара и драгуна роду войск — пехоте. "Маеору Патришиушу" пожаловали подарок "за выезд"²⁸, все шло своим чередом.

²⁷ Ibid. S. 139; см. также "Дневник", л. 69—76. Романьский ошибочно называет Гордона поручиком — этого чина он никогда не носил.

²⁸ Челобитная об этом Гордона и его соратников-шотландцев с пометой о соизволении царя от 7 сентября хранится в РГВИА (Ф. 495. Оп. 1. № 27. Л. 3). На л. 2 запись без даты: "Маер Патришиуш дано ему 40 рублей, 8 пар [соболей]

И вдруг спокойный, размеренный слог "Дневника" взрывается убийственной инвективой против нового места службы и его обитателей (л. 129—130 об.). Обличительные отзывы иноземцев разных наций о Московии и москвитях в то время отнюдь не редкость: ими полны сочинения Адама Олеария, Августина Майерберга, Сэмюэла Коллинса, Николааса Витсена, Якоба Рейтенфельса²⁹ и др. И все же здесь Гордон ядовит настолько, что работавший в России при Николае I немецкий переводчик "Дневника" М.Ф. Посселят, а затем и его русские последователи, полностью изъяли этот пассаж из своих изданий. Вот лишь его заключительная часть: москвиты "угрюмы, алчны, скарены, вероломны, лживы, высокомерны и деспотичны — когда имеют власть, под властью же — смиренны и даже раболепны, неряшливы и подлы, однако при этом кичливы и мнят себя выше всех прочих народов"³⁰. Что же так вывело из себя хладнокровного, многоопытного, привычного к тяготам шотландца?

Не только невозможность получить законное жалованье без неременной взятки дьяку, не только плата в медной монете, шедшей по четыре, а затем и по пятнадцать к одной серебром, хотя то были ощутимые удары. Гордон испытал глубокое потрясение человека, попавшего в иной мир, с Запада на Восток, из католичества в православие, из "вольной" Польши, где он всюду мог вести непринужденные беседы по-латински, в самодержавную Россию, где до покорения Киева с его Могиланской коллегией не было ни одного высшего учебного заведения. Тот, с кем уважительно обходились знатнейшие магнаты Речи Посполитой, отныне должен был писаться в челобитных "холо-

по 5 рублей пара, камка куфтер [вид ткани]". Но подпись Гордона на обороте вызывает у меня сомнения, т.к. заметно отличается от современных автографов. Не подделана ли она в приказе ввиду того, что майор сначала отказывался от подарка?

²⁹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906; *Майерберг А.* Путешествие в Московию... в 1661 г. М., 1874; *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1846; *Витсен Н.* Путешествие в Московию 1664—1665. Дневник. СПб., 1996; *Рейтенфельс Я.* Сказания Светлейшему Герцогу Тосканскому Козьме III о Московии. М., 1905. Все эти труды созданы современниками Гордона, которые посещали Россию почти одновременно. Он вполне мог читать знаменитую книгу Олеария, а Майерберга и Коллинса хорошо знал лично.

³⁰ В отрывочном и пока единственном издании "Дневника" на языке оригинала (*Passages from the Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries. Aberdeen, 1859. P. 47*), основанном опять же на списке М.Ф. Посселята, это место сильно сокращено: "...morose and niggard, and yet overweening and valuing themselves above all other nations"; т.е. "угрюмы и скарены, однако при этом кичливы и мнят себя выше всех прочих народов".

пом Петрушкою". До рождения Петра Великого оставалось более десяти лет; его отец Алексей Михайлович, по выражению В.О. Ключевского, "одной ногой еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении. Он вырос вместе с поколением, которое нужда впервые заставила заботливо и тревожно поглядывать на еретический Запад в чаянии найти там средства для выхода из домашних затруднений, не отрекаясь от понятий, привычек и верований благочестивой старины"³¹.

В движении России к Западу, "от степи к морю", где Гордон еще скажет свое слово, тогда были сделаны лишь первые шаги, прежде всего в военной области; полк Крофорда был преемником частей "иноземного строя", основанных в начале 1630-х годов первым русским генералом Лесли³². При Алексее Михайловиче у власти уже прочно стояла плеяда "бояр-западников", любимцев царя: Б.И. Морозов, И.Д. Милославский, Ф.М. Ртищев, А.Л. Ордин-Нащокин, А.С. Матвеев, впоследствии — князь В.В. Голицын; Гордон знавал всех, а с некоторыми стал очень близок. Однако их новшества сводились главным образом ко внешней политике и заимствованию иноземных предметов роскоши для убранства своих палат, потешных "хитростей" вроде "комедийных действий" или немецкой музыки. Уклад русской жизни везде, во всех сословиях оставался неизменным. Ксенофобия проявлялась постоянно и резко — в бегстве крестьян при виде иноземцев даже на оживленных приграничных дорогах³³, в высылке московских немцев в особую "резервацию" за пределы города, в насилиях и оскорбительных выходках над ними³⁴ и, много лет спустя, в непримиримом завещании патриарха Иоакима, который накануне своей смерти в 1690 г. не допустил Гордона, уже заслуженного генерала, в Кремль на пир по случаю рождения царевича. Патриарх наставлял царей, дабы запретили в полках и во всем государстве

³¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М., 1997. Кн. II. С. 412—413.

³² Об этой военной реформе см.: Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632—1634 гг. Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919; Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954. С. 169—171.

³³ Олгарий А. Указ. соч. С. 22.

³⁴ «Не стесняясь, задирают иностранцев всяких, в особенности же немцев, бесстыдными речами и если встретятся случайно с ними, то громко обзывают их глупейшею бранью "шишами"» (Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 144). «Иногда русские дразнят иноземцев, которые живут в слободе: "Кыш на Кокуй, поганые!"» (Витсен Н. Указ. соч. С. 153).

"проклятым еретикам" быть начальниками: "какая от них православному воинству может быть помощь? Только гнев Божий наводят... Начальствуют волки над агнцами! Благодатию Божиею в Русском царстве людей благочестивых, в ратоборстве искусных очень много. Опять напоминаю, чтоб иноверцам-еретикам костелов римских, кирок немецких, татарам мечетей не давать строить нигде, новых латинских и иностранных обычаев и в платье перемен по-иноземски не вводить"³⁵. Даже просвещенный хорват Юрий Крижанич, явившийся в Москву чуть раньше Гордона и горячо призывавший учиться у Запада, предостерегал славян: "везде на плечах у нас сидят немцы, жида, шотландцы, цыгане, армяне и греки, которые кровь из нас высасывают. Презрению, с каким обращаются с нами иностранцы, укорам, которыми они нас осыпают, первая причина есть наше незнание и наше нерадение о науках, а вторая причина есть наше чужебесие, или глупость, вследствие которой иностранцы над нами господствуют, обманывают нас всячески и делают из нас все, что хотят, потому и зовут нас варварами"³⁶. Самое сильное из первых русских впечатлений вновь прибывшего европейца, отмеченное им не раз, — неприветливость, "необычайная угрюмость" людей (л. 124, 126, 130).

Столкнувшись с таким положением дел, Гордон "почти обезумел от досады" и решил немедля уехать обратно, но ему намекнули, что польским лазутчикам грозит Сибирь. На присяге он наотрез отказался служить царю "по все дни своей жизни" (ведь было обещано не удерживать его долее трех лет!) и поклялся в этом лишь до окончания войны с Польшей. Насколько он хотел вырваться из России, можно судить по тому, что из 600 скопленных в Польше дукатов бережливый шотландец отдал почти четверть на подарки, чтобы войти в свиту посольства к шаху Персидскому — тщетно. Горькие сетования Гордона слышны в словах имперского посла Майерберга, у которого он часто бывал на католической мессе: многие офицеры "раскаиваются в том, что забрались в этот лабиринт в надежде выгод, покинув отеческих богов и не подорожив свободною службой среди своего народа. Потому что царь жестоко издевается над условиями, которыми они обеспечили себе увольнение на родину после прошедшего срока службы, положившись на них, точно на Ариаднину нить: одного он останавливает щедростью, другого просьбами, третьего повышением, даже, если ему угодно, ссылкой в излучистые закоулки

³⁵ Завещание патриарха Иоакима // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. II. С. 467—477.

³⁶ Цит. по: Соловьев С.М. Соч. М., 1991. Кн. VII. С. 154—155. Как видим, в ряду "кровопийц" шотландцы занимают почетное третье место.

безвыходных трупов; проповедует всем о неприличии увольнения от службы для военных людей в такое время, когда война в самом разгаре или когда ее опасаются. Бедняки никогда и не отпускаются из-за этого опасения, от которого Алексей ни на минуту не может освободиться, так как обширное Московское государство почти отовсюду опоясано воинственными народами, не терпящими покоя, и окружено их завистью и ненавистью³⁷. Впоследствии Гордон много раз возобновлял ходатайства об отставке и лишь на склоне лет осознал, что ему не суждено умереть на родине.

Овладев собой, майор приступил к полковым обязанностям весьма прилежно, провел всю зиму "в невыразимых усилиях и заботах", дважды в день обучая солдат, и мало-помалу стал свыкаться с положением. Общение с земляками скрашивало жизнь и в Москве. В характере шотландцев вообще и Гордона в частности всегда была способность не теряться в любой среде, даже чуждой и враждебной, усваивать местные обычаи, не отрекаясь от своих, быстро реагировать на смену обстоятельств. С первых дней его пребывания в стране "Дневник" переходит с нового стиля на старый, с западных миль на версты, почти безошибочно называет русских людей по имени, отчеству и фамилии. Отличное владение польским языком очень пригодилось автору, и, хотя он долго не мог избавиться от полонизмов, с московскими чинами общий язык был найден быстро: 2 января 1662 г. Гордон угостил и одарил всех подьячих Иноземского приказа, чем снискал их твердое расположение (л. 144).

Хотя многое в России его возмущало, Гордон, как ни странно, прямо не осуждает состояние русских войск и уровень готовности ратников — а ведь это общее место в сочинениях XVII в. Голландец Николаас Витсен поражался, "как русские воины обращаются с ружьем: один уронил его, пока стрелял, другой не знал, как его зарядить, третий, стреляя, отвернул голову назад и т.д."³⁸ Западные европейцы полагали, что московиты способны гораздо лучше держаться за оградою стен, чем в открытом поле³⁹. Русский современник тоже признает, что "у пехоты ружье было плохо, и владеть им не умели, только боронились ручным боем, копьями и бердышами, и то тупыми, и на боях меняли своих голов по три, по четыре и больше на одну неприятельскую голову. А ежли на конницу посмотреть, то не то что иностранным, но и самим нам на них смотреть зазорно, в начале у них

³⁷ Майерберг А. Указ. соч. С. 177–178.

³⁸ Витсен Н. Указ. соч. С. 194.

³⁹ Олеарий А. Указ. соч. С. 13; Майерберг А. Указ. соч. С. 180–183; Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 194.

клячи худые, сабли тупые, сами нужны и безодежны, и ружьем владеть никаким неумелые. Истинно, государь, я видал, что иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то, что ему стрелить по цели хорошенько... А то я у многих дворян слышал: "Дай-де Бог великому государю служить, а сабли б из ножен не вынимать"⁴⁰. Нелестные отзывы подтверждались рядом чувствительных поражений в единоборстве с западными соседями, от Смутного времени и Смоленской войны до Риги и Чуднова.

Недостатки своих вооруженных сил и военное превосходство Запада признавались самим русским правительством, которое в течение всего XVII в., да и позднее, заимствовало европейский ратный строй и тактические приемы, приглашало на долговременную и постоянную службу сотни иноземных офицеров и мастеров, закупало за рубежом крупные партии огнестрельного и холодного оружия, обеспечивало перевод на русский язык и издание соответствующих уставов и трактатов. Многие исследователи справедливо указывают на успехи военных преобразований в этот период, на ряд побед русского оружия, особенно в начале войны 1654–1667 гг., на закономерную преемственность реформ, проведенных первыми Романовыми и Петром Великим⁴¹. Однако до Петра новшества внедрялись неспешно и непосредственно, мало затрагивали такие важные отрасли, как артиллерия, инженерное дело и флот. В более "традиционных" родах войск также не все обстояло благополучно: не один лишь Гордон пишет о массовом дезертирстве ("редкий день кто-нибудь не убежал"), о частных нарушениях дисциплины, которые в своей крайней форме выливались в открытые мятежи против властей (Медный бунт, стрельческие восстания), о сомнительных качествах нанимаемых офицеров ("многие, если не большая часть, — люди дурные и низкие, никогда не служившие в почетном звании"). Самому Гордону такое обвинение не могли бросить даже его враги. Достигнув почетных званий в армиях трех корон, он прекрасно видел возможности своих солдат и не тратил времени даром: вскоре, несмотря на частую смену личного состава, на смотре в присутствии царя его полк показал отличную стрельбу (л. 180 об.).

С разной степенью подробности "Дневник" повествует о частных и общественных событиях 1660-х годов в Москве и вне ее, которые непосредственно касались автора или привлекли его внимание. В их числе ряд происшествий, связанных с бурными взаимоотношениями

⁴⁰ Посошков И.Т. О ратном поведении // Книга о скудности и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 268.

⁴¹ История Северной войны. М., 1987. С. 23–36.

в военной среде: "битвы" солдат со стрельцами и трубниками, нередкие дуэли, занесенные с Запада, но пока не охватившие русских служилых людей, конфликты Гордона с капитаном Спиридоновым и другими подчиненными, откуда шотландец обычно выходил с успехом. Однажды из-за "плутовства" поручика он, не досмотрев, подписал бумагу об отпуске троих солдат по домам; за отпуск без указа в лучшем случае грозили батоги и тюрьма⁴², если бы Гордон не принял меры через знакомого подьячего.

До заключения Андрусовского перемирия с Речью Посполитой оставалось несколько лет, и в мае—ноябре 1664 г. Гордон, уже подполковник и фактически командир полка, находился на действительной службе в пограничном Смоленске, но ему так и не довелось сразиться с прежними соратниками — поляками. Впрочем, за боевыми действиями и политическими новостями он пристально следил и многое мог узнавать из первых рук: о поражении князя И.А. Хованского при Кушликах (л. 141 об.—143) — от генерала Далйелла или побывавших в польском плену офицеров; о Нежинской "черной" раде, летом 1663 г. избравшей гетманом Украины И.М. Брюховецкого (л. 167—172 об.), — возможно, от шотландского полковника Инглиса, который присутствовал в Нежине; как бы то ни было, рада описана с обстоятельностью очевидца.

Хотя в первые русские годы Гордон не ступал на поле брани, они стали самыми тяжелыми в его жизни. Он долго хворал и едва избежал смерти, что сам объясняет угнетенным состоянием духа: "все это время я пребывал в сугубом недовольстве моим настоящим положением здесь и обдумывал все мыслимые пути, как освободиться из сей страны и службы. Однако, не видя никакой возможности, я впал в сильную меланхолию, что и было причиной затянувшегося недуга" (л. 148 об.). Перемена не могла не отразиться в "Дневнике": записи этих лет становятся более краткими и отрывочными, даты проставлены гораздо реже; появляются довольно большие пропуски и хронологические погрешности, странные для аккуратного и хорошо осведомленного мемуариста. Правда, датировка Медного бунта 5 вместо 25 июля 1662 г. может быть просто опiskeй, поскольку подлинник дошел до нас в перебеленном виде. Взрыв недовольства безоружных московских низов, вызванный налоговым бременем и катастрофическими последствиями денежной реформы, громко именовался советскими учеными "антифеодалным восстанием"⁴³, хотя дело ограничилось всего несколькими часами. Полк Крофорда в тот день играл

⁴² Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. С. 25 (Гл. VII, ст. 14—16).

⁴³ Буганов В.И. Московское восстание 1662 г. М., 1964.

второстепенную роль, несмотря на то, что Гордон лично ездил в Коломенское за приказаниями и едва не попал в руки мятежников. Его отчет о Медном бунте менее пространен, чем у подьячего Григория Котошихина⁴⁴, но содержит отсутствующие у последнего детали; в частности, свидетельство, что власти для подавления мятежа прибегли к помощи живших в Москве иноземцев.

Более серьезная ошибка, вкравшаяся в "Дневник", связана с приездом в Московию голландского посольства Якоба Бореела, что Гордон относит к концу 1662 г., — на целых два года раньше срока⁴⁵. И уж совсем трудно объяснить, почему известие о важной победе над поляками при Чаусах в Белоруссии помечено маем 1663 г. (л. 164 об.); это тем более удивительно ввиду близкого знакомства автора с генерал-майором Уильямом Драммондом (Дромонтом), который возглавлял русских в том бою. Согласно донесениям царю смоленского воеводы князя П.А. Долгорукого, основанным на рапорте самого Драммонда, победа была одержана 16 мая 1662 г.⁴⁶ Следует предположить, что во время длительной болезни и упадка душевных сил автор вел записки нерегулярно, возможно, подолгу не брался за перо и восстанавливал упущенное позднее.

По собственному признанию Гордон исцелился от меланхолии и недомогания благодаря добросовестным полковым занятиям, ибо "не любил сидеть праздно", а также поддержке друзей. Много путешествуя и ведя обширную переписку от родного графства Эбердин до Казани, он постоянно расширял круг знакомств. Земляков и прочих выходцев с Запада легко было встретить во Пскове, Новгороде, Смоленске, других городах и окраинных гарнизонах, но "столицей" их была Новая Иноземская (Немецкая) слобода, возникшая близ Москвы, на правом берегу Яузы, всего за девять лет до приезда Гор-

⁴⁴ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 114—117.

⁴⁵ Ср.: Витсен Н. Указ. соч. Посольство Бореела находилось в России с декабря 1664 по май 1665 г. Николаас Витсен (1641—1717), будущий бургомистр Амстердама и друг Петра Великого, состоял в свите посла. См. также: Голландцы и русские 1600—1917. Амстердам—Гаага, 1989. С. 58—59.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. №1. Л. 148—149, 153—162, 187—189, 192—195, 205—207. Из документов явствует, что Драммонд с отрядом в 3119 ратников при 4 орудиях конвоировал из Смоленска в Быхов денежные, хлебные и боевые припасы. Близ Чауса его атаковали около 6 тысяч поляков и литовцев, но были отброшены и "рублены на 15 верстах". Урон противника оценивается по меньшей мере в 1,5 тысячи; русские захватили 92 пленных, 15 знамен и 1 пушку, потеряв всего несколько десятков человек. Успех, хотя и частный, был особенно радостен после ряда сокрушительных поражений последних лет. См. также: Соловьев С.М. Соч. М., 1991. Кн. VI. С. 116.

дона⁴⁷. Именно здесь он нанял первую квартиру сразу по прибытии, сюда, уже в собственную усадьбу, возвращался из дальних походов и странствий, и, наконец, сделался признанным "патриархом" иноземной колонии.

В ранний период слобода уже значительно разрослась и насчитывала около двухсот дворов, но, как видно по рисунку из альбома Майерберга⁴⁸, еще не приобрела "образцовый", регулярный облик петровских времен и внешне мало отличалась от русских селений с теми же деревянными избами, поземными или на подклетах. Однако на этом островке, окруженном почти первобытной древнерусской стихией и не имевшем самоуправления, господствовали западные вкусы и обычаи. Хотя многие путешественники-европейцы обращали на это внимание, самая подробная и достоверная хроника слободской жизни за несколько десятилетий содержится в "Дневнике" Гордона: перед нами проходит вереница свадеб, пиров, маскарадов, дуэлей, а упоминание о конных бегах (л. 149 об.), возможно, является первым в истории Москвы.

В краткий срок автор свел знакомство почти со всеми видными членами местной общины — офицерами и купцами, врачами и священниками; уже в 1667 г. он мог с полным правом утверждать, что "здесь меня знает каждый иноземец". Среди них были представители многих стран, но самые тесные узы связывали его с соотечественниками, особенно с генералами Даллеллом и Драммондом, капитаном (затем майором) Полом Мензисом и другими шотландскими офицерами полка Крофорда. С самим командиром отношения складывались сложнее: с одной стороны, тот не слишком утруждал себя полковыми обязанностями и перелагал их на своего заместителя, с другой — выказывал "чрезвычайную доброту" к Гордону во время его болезни. К сожалению мы не так много узнаем о характере и облике этих людей, а ведь меткие наблюдения над окружающими автору хорошо удаются — вспомним "портреты" полковника Андерсона в первом томе "Дневника" или князя Юрия Любомирского — во втором.

Главными событиями личной жизни Гордона в эти годы стали обручение и женитьба, в которой он надеялся найти спасение от тоски.

К тому же он знал, что "русским от природы свойственно меньше доверять людям холостым, чем женатым", особенно когда речь шла о недовольных условиями приезжих офицерах. Молодой, обаятельный подполковник был желанной партией для многих семейств Иноземской слободы, и ему пришлось применить все свое искусство, чтобы не попасть в раскинутые повсюду сети. Он сам сделал вполне сознательный выбор и попросил руки юной католички Катаринны Бокховен — дочери нидерландского полковника, ранее служившего в Британии и женатого на британке. Послания Гордона невесте — первые и самые интимные из его сохранившихся писем — не удостоились ни малейшего внимания прежних издателей "Дневника" и публикуются здесь впервые.

Между тем возникло значительное препятствие: отец Катаринны пребывал в плену у поляков, а без его благословения союз был невозможен. Гордон умел добиваться своего и на сей раз превзошел самого себя. Он неустанно хлопотал перед царским правительством, добился указа об обмене на пленника знатных поляков, лично ездил на переговоры с польскими уполномоченными, одолевал все заинтересованные стороны письменными ходатайствами и даже заручился соответствующей просьбой короля Великобритании к королю Польши. Филипп Бокховен, наконец, обрел свободу вследствие русско-польского перемирия, но, очевидно, решил судьбу дочери до своего возвращения. В январе 1665 г., через два года после сватовства, Патрик и Катарина обвенчались в Иноземской слободе; невесте едва исполнилось пятнадцать, жениху, вскоре произведенному в полковники, — почти тридцать лет. В ноябре у них родилась дочь Кэтрин Элизабет, а будущей весной появился свой дом в слободе. Хотя о жизни под его кровом в эту пору почти ничего не говорится, а последующие части "Дневника" утеряны, чета была, несомненно, счастлива. Катарина прожила недолго, и Гордон женился вторично, но до последних своих дней он вспоминал ее с нежностью.

В завершающем разделе второго тома "Дневника" автор предстает в новом качестве. В июне 1666 г. ему неожиданно поручили доставить грамоту царя Алексея Михайловича ко двору своего сюзерена — британского короля Чарлза II. Правда, к дипломатическим делам Гордон был причастен и раньше: еще в Польше имперский посол Изола намеревался отправить его курьером в Вену, затем он сам упорно, но безуспешно хлопотал о месте при царском посольстве в Персию, а в 1663 г. оказал важную услугу британскому послу в России графу Карлайлу (л. 176). Теперь же, хотя и в младшем ранге "гонца", надлежало исполнить официальное поручение весьма важного и деликатного свойства. Уже тот факт, что оно было возложено

⁴⁷ Подробнее об этой слободе см.: Богоявленский С.К. Московская Немецкая слобода // Известия АН СССР. Серия История и философия. М., 1947. Т. IV. № 3; Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М., 1998.

⁴⁸ Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII в. СПб., 1903. № 75. Этот рисунок Новой Иноземской слободы, выполненный И.Р. Шторном, является первым ее изображением и датируется годом приезда Гордона в Московию (1661).

на иностранного подданного, прибывшего в Москву не “на Государево имя”, т.е. на постоянную службу, а всего лишь “на наем”, говорит о высочайшем доверии русского правительства к Гордону. До него иноземцы редко представляли интересы царя за рубежом, тем более самостоятельно⁴⁹; если им и выпадала такая возможность, то, как правило, под руководством и надзором русских дипломатов. Перед отъездом статус Гордона, служившего в пехоте, был повышен до полковника рейтарского строя⁵⁰.

Предпосылки и обстоятельства миссии изложены в “Дневнике” достаточно полно. Через многочисленных друзей и корреспондентов посланец был отлично осведомлен о событиях в Европе и состоянии русско-британских отношений⁵¹. Во внешнеполитической иерархии Московского государства Великобритания уступала только Германской империи и стояла наравне с Речью Посполитой⁵². Более чем вековые контакты с британскими королевствами были традиционно дружественными и имели особое значение в торговой сфере, так как именно англичане освоили путь в устье Северной Двины и долгое время имели превосходство над всеми конкурентами. Прерванные в период протектората Кромвеля, не признанного Россией, связи возобновились с реставрацией Стюартов в 1660 г. и, казалось, должны были упрочиться (царь поддерживал Чарлза II в годы изгнания). Однако как раз накануне поездки Гордона между сторонами произошло резкое охлаждение. Британцы прилагали все усилия к возврату былых привилегий, в частности, права беспошлинной торговли, отобранного у них царским указом после казни короля Чарлза I в 1649 г. Московские власти, стоявшие на пороге финансового краха, не могли этого позволить и столь же твердо, под различными предложениями, отвергали все просьбы. Положение усугубилось провалом посольств графа Карлайла в Москву (1663–1664) и стольника В.Я. Дашкова в Лондон (1664–1665)⁵³. Вернувшись обратно,

Дашков “так приукрасил суровое обращение с ним, что [в Москве] усомнились, быть ли впредь каким-либо сношениям или переписке между [обоими] государями” (л. 222 об.).

К еще большим осложнениям привело соперничество двух великих морских держав и главных торговых партнеров России — Британии и Нидерландов, которые в 1665–1667 гг. вели ожесточенную войну. Голландцы не замедлили воспользоваться трудностями противника и стали вытеснять его с русского рынка, да и в боевых операциях на море достигли немалых успехов. Последний удар британцам нанес в 1665 г. полный запрет Алексея Михайловича принимать их корабли в Архангельске из-за бушевавшей в Англии эпидемии чумы⁵⁴. 29 декабря Чарлз II обратился к Алексею Михайловичу с посланием, где просил не позволять голландцам вывоз корабельных припасов из России, но предоставить это право комиссарам британской короны сроком на пять лет⁵⁵. Ответная грамота царя от 24 июня 1666 (1666) г. и была доверена Патрику Гордону. Она гласила, что “на Двине у Архангельского города о карабельных деревьях и о смоле учинен заказ крепкой под смертною казнию: Галанских Статов подданным карабельного дерева и смолы продавать и за море отпускать отнюдь не велено”⁵⁶. Тем уступки и ограничились, поскольку в англо-голландском конфликте Россия стремилась сохранить нейтралитет. Поставки для королевского флота разрешены не были, закрытие северного морского пути для английских судов оставалось в силе до прекращения морового поветрия, вопрос об отмене пошлин снова отклонялся на неопределенное время. Все это вряд ли могло удовлетворить кабинет Чарлза II и оживить взаимные связи.

Из-за серьезных преград, “замучивших его до смерти”, путешествие Гордона затянулось почти на год. Он был вынужден предпринять дальний объезд через Германию и Нидерланды, самолично нанял яхту и, проскользнув между голландскими фрегатами и французскими каперами, добрался до берегов Англии 1 октября. 9 числа состоялась аудиенция у короля. Невзирая на содержание доставленной грамоты, Чарлз II принял своего подданного милостиво, пожаловал ему право свободно бывать при дворе, а затем подарок и сумму в 200 фунтов стерлингов.

В ожидании ответа царский гонец провел в Англии более четырех месяцев, до начала февраля 1667 г. Соответствующие страницы “Дневника” немногословны, поскольку Гордон жил довольно замк-

⁴⁹ В документах о миссии Гордона упомянуто несколько подобных случаев, но все они относятся к последующим годам, кроме участия в посольстве в Лондон шотландского полковника Форрета; последний состоял переводчиком при поселе князе П.С. Прозоровском в 1662–1663 гг. (РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 215. Л. 31–33; № 243. Л. 11–12; Ф. 141. Оп. 5. 1675 г. № 86. Л. 9–12; Ф. 159. Оп. 2. № 187).

⁵⁰ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 215. Л. 31–33.

⁵¹ Так, в конце 1665 г. Гордон получил письма от генералов Далйелла и Драммонда, датированные в Гамбурге 29 сентября, с “обширным и подробным рассказом о событиях и положении дел в Христианском мире” (л. 214 об.).

⁵² Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 45–46, 61.

⁵³ Обзор русско-британских отношений этих лет см.: Соловьев С.М. Соч. М., 1991. Кн. VI. С. 511–518.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 211.

⁵⁵ Там же. Оп. 2. № 97.

⁵⁶ Полный текст этой грамоты см. в Приложениях.

нуто, как частное лицо: "инструкции не обязывали меня объявлять о моем приезде или посещать министров иноземных государей, дабы не производить большого шума; русские не желали досаждать голландцам, коих моя миссия касалась более всех" (л. 136). Для столицы и всего королевства то была крайне тревожная пора⁵⁷: только что невиданный пожар поглотил почти весь Лондон, который мемуаристы уподобляли руинам Трои или Содома, чума еще опустошала окрестности, война с Голландией и Францией шла неудачно и требовала напряжения всех сил, носились ужасающие слухи об иноземном вторжении, шотландском мятеже, заговоре "папистов" (к которым принадлежал и новоявленный шотландский полковник). Двор пребывал в трауре из-за кончины матери королевы, и до конца 1666 г. закрылись все театры. Цены на товары и услуги взлетели настолько, что были превзойдены только в следующем столетии. Всю осень и зиму держались холода и ненастье; последнее, правда, не смущало северянина, обитавшего в России, — на погоде он вообще останавливается редко.

"Наказная память" из Москвы не обязывала Гордона вести официальные переговоры, но у него состоялось несколько встреч с лордом-канцлером Кларендоном и государственным секретарем Морисом. Их ход был, по-видимому, изложен в представленном в Посольский приказ обязательном донесении — "статейном списке". Этот документ пока отыскать не удалось, хотя в XIX в. он существовал и, согласно историкам того времени, "не заключал в себе ничего важного сверх записанного в "Дневнике"⁵⁸. Из "Дневника" же известно, что стороны "весьма резко" обсуждали давно наболевший вопрос о привилегиях британских купцов в Московии (л. 251). При всех симпатиях Гордона к членам "Российской компании", среди которых у него было много друзей, он не мог не довести до сведения министров Чарлза II, что отмена пошлин царским правительством маловероятна.

Свободные часы Гордон посвящал осмотру Тауэра и других достопримечательностей, обмену визитами и переписке с родней, старыми и новыми знакомыми. Верный себе, он засвидетельствовал почтение едва ли не всем высшим шотландским сановникам, пребывавшим в Лондоне, — всецельному наместнику Шотландии лорду Лодердейлу, графам Ротесу и Мидлону, генералу Драммонду, а также бывшему послу в Москве графу Карлайлу. Любезный прием

был оказан ему главнокомандующим принцем Рупертом и герцогом Йоркским — братом и наследником правящего монарха. Достоинно представляя интересы России, Гордон все же не связывал с ней свое будущее, твердо намереваясь устроиться на родине и искать могущественных покровителей.

18 января 1667 г. на прощальной аудиенции Чарлз II собственноручно подал гонцу ответное послание. Когда тот заметил неточность в царском титуле, по его ходатайству был изготовлен новый пергамен, хотя в спешке или по другой причине обращение оставили неизменным⁵⁹. Обратный путь прошел без особых приключений, и в июне Гордон явился в Москву. Королевское письмо было выдержано в учтивом, но довольно жестком тоне, и некоторые исследователи полагали, что русские власти, неудовлетворенные итогом миссии, подвергли шотландского полковника опале и чуть ли не "домашнему аресту"⁶⁰. Однако ни "Дневник", ни другие источники не содержат даже намека на нечто подобное. Главная цель — доставка царской грамоты и ответа на нее — была выполнена успешно, и не вина курьера, что отношения двух держав переживали не лучшие времена. Отправление Гордона во главе полка на Украину вытекало из его прямых обязанностей и не может считаться "ссылкой" или знаком немилости. К тому же всего через два года ему был пожалован отпуск по личным делам на родину. Неясно только, почему шотландец, настойчивый и щепетильный в том, что ему причиталось, так долго не мог возместить путевые расходы, оплаченные своими средствами; из 633 рублей меньше половины ему выдали лишь в 1675 г., а остальное — в 1681 г., через 14 лет после возвращения!⁶¹ Задержка в какой-то мере объяснима службой вдали от Москвы, волокитой, недоброжелательностью приказных чинов, а быть может и происками более именитых недругов.

Поскольку с июля 1667 г. "Дневник" прерывается на целое десятилетие (один или более томов утеряны), в Приложениях к настоящему изданию помещены дополнительные источники из архивов Британии и России: письма Гордона известному английскому государственному деятелю Джозефу Уильямсону и документы, связанные с дипломатической миссией в Лондон. Все восемь писем Уильямсону датированы через небольшие промежутки времени и по содержанию и стилю словно продолжают "Дневник" до конца 1667 г. Со-

⁵⁷ Лучшие свидетельства современников: The Diary of John Evelyn, Esq. L. & N.Y., 1890. P. 313–327; The Diary of Samuel Pepys. Vol. VII. 1666. Berkeley & L.A., 1972; Vol. VIII. 1667. Berkeley & L.A., 1974.

⁵⁸ Дневник генерала Патрика Гордона. М., 1892. Ч. II. С. 96.

⁵⁹ Подлинник — РГАДА. Ф. 35. Оп. 2. № 98. Перевод грамоты см. в "Дневнике" (л. 258 об. — 260 об.) и примечание к нему.

⁶⁰ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 27–29.

⁶¹ Челобитные Гордона см. в Приложениях.

общая основателю "Лондонской Газеты" о важнейших новостях на востоке Европы, в частности, об увольнении царем после перемирия с Польшей многих иноземных офицеров, московский корреспондент пророчески замечает: "вскоре у нас хватит забот с турками и татарами, так что по крайней мере наши руки пригодятся". Еще две депеши Гордона — псковскому воеводе князю И.А. Хованскому и думному дьяку Алмазу Иванову — сохранились в русских переводах того времени. Несмотря на краткость, они рисуют широкую панораму европейских событий; любопытно, например, известие об испано-португальских переговорах — оно пришло в русское ведомство иностранных дел еще до того, как первое посольство П.И. Потемкина отправилось на Пиренейский полуостров. Конечно, этим далеко не исчерпываются акты, связанные с именем Гордона и имеющие отношение к его журналу. Остается выразить надежду, что новые находки такого рода увидят свет.

* * *

Подлинник второго тома, в числе всех шести уцелевших частей "Дневника" Гордона, хранится в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве⁶². По ряду внешних признаков он сходен с уже изданным в моем переводе первым томом и лишь немного уступает по объему (в оригинале около 107,5 и 92 тысяч слов соответственно). Все записи, за исключением титульных листов, несомненно принадлежат перу самого Гордона; его почерк — четкий, ровный, в целом характерный для шотландской палеографии XVII в. — удостоверяется другими дошедшими до нас образцами. Оба манускрипта представляют собой перебеленный, чистовой текст, составленный на основе первоначальных заметок, поэтому число исправлений и позднейших авторских помет очень невелико⁶³. Тот факт, что журнал копировался с первоисточника, подтверждают отдельные описки в топонимах, в которых автор, как правило, довольно точен; такие промахи легко объяснимы графическим сходством букв, приведшим к

⁶² РГВИА. Ф. 846. Оп. 15. № 1—6.

Я глубоко признателен директору РГВИА И.О. Гаркуше и сотрудникам Архива за возможность использовать подлинный "Дневник" Гордона и другие документы из их собрания, а также за ряд ценных замечаний по переводу и комментариям к нему.

⁶³ Во втором томе встречаются пометы читателей или переводчиков XVIII—XIX вв.; неизвестные им слова и выражения подчеркнуты, кое-где с припиской французских эквивалентов (л. 78 об. — 80 и др.). Все это выдает весьма слабое владение английским языком.

ошибочному воспроизведению малознакомых или забытых иноязычных имен (Ezeuga вместо Vzuga, Pontska вместо Poritska и т.д.). Но и в окончательной редакции есть следы доработки, различимые и по почерку, и по смыслу. Например, о смерти своего благодетеля князя Юрия Любомирского, последовавшей 2 февраля 1667 г. в Бреслау, Гордон сообщает дважды: в тот же день, когда сам он находился в Англии и еще не мог об этом знать, и под 10 марта, когда услышал печальную весть в Гамбурге.

Археографическое исследование оригинала проведено М.Р. Рыженковым, чьему содействию я многим обязан при подготовке настоящего издания. Он любезно предоставил нижеследующие сведения, из которых явствует, что в дошедшем до нас виде второй том относится к 1680-м годам, когда мог быть переписан с протографа.

Подлинник второго тома "Дневника" имеет много общих черт с рукописью первого тома⁶⁴, но и некоторые отличия. Он также написан на бумаге форматом в четверть листа, сложенной в тетради, объединенные позднее единым переплетом. Как и в первом томе, текст размещен по обеим сторонам листа и занимает площадь 16,5—17 × 12—13 см; размеры полей: сверху 1,5—2,5 см, справа и слева 1,5—2 см, внизу 0,5—1,5 см.

Идентификация почерка Патрика Гордона не вызывает сомнений, но характер записей изменяется после первой трети рукописи. Сначала Гордон, словно продолжая первый том, заполняет листы равномерно, без пропусков, с минимумом помарок и с неизменными кустодами под последней строкой. Судя по цвету чернил (от бурого до почти черного) и качеству перьев, записи делались по частям от нескольких листов до нескольких десятков единовременно. Однако затем автор кое-где оставляет пропуски по полстраницы и более (л. 50—52 об.), возможно, предполагая заполнить лакуны позднее с помощью недоступных ему в тот момент источников. Далее пропуски повторяются уже в виде оставленных чистых листов в конце очередного года (6 листов с оборотами после л. 94 и т.д.), причем авторская нумерация страниц на них не прерывается. Поскольку она сделана рукой автора одними чернилами единовременно, скорее всего перед отдачей в переплет, Гордон, похоже, собирался вносить дополнения в уже переплетенную рукопись, но по каким-то причинам не исполнил своего намерения. Всего по нумерации Гордона том насчитывает 596 страниц, хотя плотность текста по страницам заметно меняется — от одной-двух строк до 30 и более. 16 страниц, охватывавших март—апрель 1664 и январь—начало апреля 1666 г., в рукописи отсутствуют.

⁶⁴ Гордон П. Указ. соч. С. 246—249.

Начиная со второй трети тома текст приобретает более отрывочный, лаконичный характер, пространные многостраничные повествования исчезают. Создается впечатление, что здесь мы имеем дело с первичными дневниковыми записями "по горячим следам". Однако анализ филиграней бумаги не позволяет отнести создание сохранившейся редакции второго тома к периоду ранее 1680-х годов.

Так, первые листы тома написаны на бумаге с филигранью в виде двуглавого орла (л. 9–10), датируемой не ранее 1683 г.⁶⁵ Водяные знаки с изображением двуглавого орла встречаются и в первом томе "Дневника", но их рисунок и особенности (ключи в лапах орла) позволяют отнести их к более раннему времени (1670-е годы). Следует учесть, что когда датировка осуществляется по печатным изданиям, бумага может быть старше самого издания на 5–7 лет. На печатных дворах, где бумага приобреталась довольно большими партиями, ее залежность могла быть выше, чем у частного лица.

Филигрань с головой шута (л. 70, 75) датируется не ранее 1679, а "семь провинций" (л. 94–95) — не ранее 1683 г.⁶⁶ В томе есть даже водяные знаки, датируемые 1690-ми годами ("рожок" — л. 136, 139; "двойной рожок" — л. 255, 260), но так как они описаны по печатным изданиям, необходима поправка на возможную залежность бумаги⁶⁷. Примечательно, что указанные филигранные знаки чаще встречаются в документах и изданиях украинского происхождения: ведь именно на Украине проходила служба Патрика Гордона до середины 1680-х годов. Остается строить догадки о причинах большей или меньшей лаконичности "Дневника", но не подлежит сомнению, что, как и в случае с первым томом, мы имеем дело с манускриптом, созданным много лет спустя после описываемых событий. Правда, это несколько не исключает использования автором протографа, на что указывают многие признаки.

Переплет второго тома "Дневника" не имеет сугубо индивидуальных особенностей, характерных для первого тома. Аналоги известны среди книжных переплетов московской работы XVII в. Размеры верхней и нижней крышек составляют 20,5 × 15,5 см; толщина книжного блока с крышками — 4,8 см. Переплет цельнокожаный по картонным крышкам; кожа гладкая, светлая. На торцах книжного блока видны полосы, нанесенные красной краской. Украшений обреза

⁶⁵ Каманин И., Вітвіцька О. Водяні знаки на папері українських документів XVI–XVII ст. Київ, 1923. № 721.

Мы благодарны Е.В. Лукьяновой за помощь в идентификации филиграней.

⁶⁶ Дианова Т.В., Костюхина Л.М. Филигранные знаки XVII века по рукописным источникам ГИМ. Каталог. М., 1988. № 398, 872, 883.

⁶⁷ Дианова Т.В. Филигранные знаки XVII века по старопечатным книгам Украины и Литвы. М., 1993. № 649, 675.

не имеет; декоративно-защитные накладные элементы отсутствуют. На крышках имеются по две тесемные завязки, но прорези говорят о том, что первоначально завязки были ременные. Обе крышки переплета обрамлены тисненой и позолоченной бордюрной басмой с растительным орнаментом. Ромбовидный средник с аналогичным декором обрамлен прямоугольной рамкой с орнаментом по углам. Рисунок тиснения обеих крышек одинаков. На корешке также видны следы декоративного тиснения. Переплет поновлялся в 1830-е годы, судя по форзацам из бумаги Елизаветинской фабрики Е.Н. Кайдановой с филигранью "Е.Б.Ф."

* * *

Несмотря на недостатки и утраты, уникальность труда, оставленного нам шотландским воином, давно признана историками. Вот как оценивал его еще в XIX в. А.Г. Брикнер: "Сочинения Петрея, Оллария, Мейерберга, Коллинса, Витсена, Невилля и других — литературные труды, писанные для публики. Гордон писал только для себя и не думал о приведении в систематический порядок и издании в свет своих наблюдений. Он только описывал свои похождения и отмечал краткие известия о разных современных событиях в том внешнем, случайном порядке, в котором представлялись ему впечатления обыденной жизни. Так как по своему положению он участвовал во многих важных событиях своего времени, зорко следил за ходом дел, знал подробности многих фактов, был в близких сношениях со многими историческими лицами, то "Дневник" — первоклассный исторический источник", который "объемом и разнообразием содержания далеко превосходит все другие сочинения такого рода". По своей "фотографической точности" записки Гордона "сближаются иногда с архивным материалом"⁶⁸. С этим мнением нельзя не согласиться.

В Западной Европе подобный жанр был уже достаточно распространен, хотя на английском, да и других языках, личных дневников XVII столетия сохранилось немного, в отличие от предназначенных для печати и литературно отделанных мемуаров. К тому же почти все они более ограничены во времени и пространстве. Знаменитый дневник англичанина Сэмюэла Пипса (1633–1703)⁶⁹, при всей своей подробности и глубине, охватывает только 1660-е годы, причем автор почти не покидал пределов Лондона и его округи. Упомянутый выше Николаас Витсен взялся за подневные заметки о пребывании в

⁶⁸ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 139–141.

⁶⁹ The Diary of Samuel Pepys. Vols. I–XI. 1660–1669. Berkeley & L.A., 1970–1983. Пипс вел свои шифрованные заметки ежедневно, но прервал их из-за боязни слепоты.

Московии чуть позже Гордона, но провел в стране всего несколько месяцев как член голландского посольства и остался сторонним, пусть и зорким, наблюдателем. В самой же российской среде журналы такого рода появятся лишь с начала XVIII в., за исключением "Записок" окольного И.А. Желябужского⁷⁰.

По форме и содержанию второй том, как и первый, весьма разнообразен. На протяжении восьми с половиной лет он объединяет собственно "журнальные" разделы (Чудновский поход польской армии, переезд Гордона в Московии, путешествие в Лондон и обратно); описания тех или иных предметов и событий (эпизоды службы в Польше и России, впечатления о графстве Ципс, рассказ о Нежинской раде); копии частных и официальных документов (письма к невесте и другим лицам, грамота князя Любомирского, статьи дипломатических договоров, два послания короля Чарльза II, список расходов при выдаче королевского жалованья). В "Дневнике" отразились как личные наблюдения автора, так и сообщения очевидцев и множества российских и западных корреспондентов. Только за один день, 15 марта 1667 г., будучи проездом в Гамбурге, Гордон отослал письма 18 разным адресатам в Россию, Шотландию, Англию, Фландрию, Польшу, Германию и Лифляндию, а 7 мая в Риге получил от многих из них ответы. Обо всем достойном примечания он постоянно расспрашивал товарищей по оружию, военнопленных, купцов, дипломатов. Так, забавный анекдот о литовском гетмане Гонсевском был явно передан ему имперским послом в Москве Майербергом. Отсюда высокая степень информированности Гордона о происшествиях в Московии и Европе. Вкупе со взвешенной, беспристрастной (но далеко не всегда бесстрастной) манерой изложения это делает "Дневник" незаменимым источником. О кое-каких неточностях и изъянах уже говорилось, но гораздо чаще его данные достоверны и подкрепляются другими свидетельствами.

После начала первой полной научной публикации "Дневника" в 2000 г. появились новые сведения о русском переводе Гордона, принятом в XIX в. чиновником Военного министерства Д.Е. Келером (1807—1839)⁷¹. Вкратце они таковы. В 1835 г. известный литератор А.И. Тургенев прислал приобретенную им в Лондоне копию "Дневника" князю А.Н. Голицыну, по докладу которого императору Николаю I в июне того же года состоялось высочайшее повеление: "рукопись сию перевести на российской язык и тогда старательно

просмотреть, что может заслуживать особенного внимания, и доложить Его Величеству", причем государь "изволил желать прочесть записки сии сколь можно в непродолжительном времени". По распоряжению военного министра графа А.И. Чернышева Келер приступил к работе с подлинником, истребованным из Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. Напряженные занятия, вызывавшие живой интерес А.С. Пушкина и других современников, совершенно истощили силы переводчика и были прерваны помешательством и ранней смертью. Келер успел окончить и представить императору переводы первых трех из шести томов, принятые благожелательно, четвертый был завершен его вдовой, а пятый и шестой подготовлены его коллегами по канцелярии Военного министерства Чилиевым и Авенариусом (последним не очень удачно). Издание всего труда было разрешено "по рассмотрении цензурою", но не осуществилось ввиду больших расходов⁷². Судьба этих рукописей, поступивших тогда же в Эрмитажную библиотеку, остается загадкой — ныне известно местонахождение лишь одного, второго тома, принадлежавшего Келеру (в двух книгах, 1837 г.)⁷³; так как он происходит из собрания А.И. Чернышева, надо полагать, что это составленный для военного министра список, а не одна из частей, "повергнутых к стопам" Николая I.

Второй том перевода Д.Е. Келера показывает отличное знание им английского языка, а также усердное отношение к делу и, безусловно, дает наилучшее представление об источнике из всех прежних попыток воздать ему должное. Вместе с тем Келер часто перелагает текст своими словами, более витиевато и высокопарно, чем у автора, произвольно заменяет косвенную речь прямой и наоборот. Довольно близко придерживаясь общего смысла, переводчик имеет обыкновение менять местами отдельные фрагменты, порой перенося их на несколько страниц (описания городов, приводимые Гордоном при отъезде из них, даются сразу по прибытии; объединяются разрозненные фразы, относящиеся к одному предмету; без оговорок вставляются пояснения, отсутствующие в подлиннике; устраняются авторские повторы). Такое редактирование не лишено логики, но влечет заметные расхождения с оригиналом. Письма Гордона, вошедшие в "Дневник", Келер счел "по большей части не заключающими в себе ничего любо-

⁷⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. № 10392.

Я благодарен Л.И. Петржак, обнаружившей это дело и обратившей на него мое внимание. В нем есть и документы о немецком переводчике "Дневника" М.Ф. Поссельте.

⁷³ РГБ. Отдел рукописей. Ф. 19/V. № 1 а-б.

⁷⁰ Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г. СПб., 1840. Этот источник не выдерживает сравнения с Гордоном.

⁷¹ Статью к первому тому "Дневника" см.: Гордон П. Указ. соч. С. 236—238.

пытного", "затмевающими рассказ"⁷⁴ и предполагал поместить их в отдельный том, что так и не осуществилось. Исключены из этого перевода и почти все записи, столь частые в "Дневнике", о веденной автором корреспонденции, опущены многие упоминания о лондонских визитах Гордона и т.д. К тому же есть немало примеров неверного прочтения или толкования текста, терминологических неточностей и ошибок (flogen передается как "золотый" или "гульден" вместо "флорина", musket — как "ружье" вместо "мушкета", rollax — как "палаш" вместо "секиры", broadsword — как "широкий меч" вместо "палаша", Dutch — как "голландский" вместо "немецкого", путаются фунты и пуды, Дворцовый приказ именуется "Надворным" и т.д.). Немногочисленные комментарии Келера кое в чем полезны, но, поскольку от исторической науки он был довольно далек, в целом производят впечатление случайных, а иногда и наивных.

Оценить труд Келера и его последователей в полном объеме пока не представляется возможным. Однако сопоставление с подлинником вышедших из печати переводов XIX в. — Штриттера-Поссельта на немецкий язык и сделанных с него русских публикаций — показывает их несостоятельность. Повествование от третьего лица, перестановка значительных частей текста, громадные купюры (в том числе цензурного свойства), подмена перевода пересказом, множество нелепых ошибок в именах, датах, цифрах и терминах, порой носящих комический характер⁷⁵, скудость комментариев — все это почти до неузнаваемости искажает оригинал. При подобных вольностях неизбежно нарушается и его эмоциональный строй. Опираясь на старые переводы, где многое (скажем, письма к невесте) "за неважностью" опущено, даже читатели Гордона полагали, что "Дневник" очень слабо отражает душевное состояние автора, являет собой "скорее холодный протокол внешних фактов, чем изображение внутренней, нравственной и умственной жизни"⁷⁶. А ведь это отнюдь не так, особенно в первых томах! В настоящем издании сделано все возможное, чтобы ни в чем не отступить от подлинника.

⁷⁴ Там же. № 16. С. 176–177.

⁷⁵ Приведу лишь два примера. Во время похода по Польше в роте Гордона якобы умерло "несколько женщин, от несоблюдения предписанной им диеты"; переводчикам показалось более вероятным наличие в роте дам (Dames), чем датчан (Danes). Красивая усадьба венгерского магната (у Гордона — brave house, где первое слово употреблено в шотландском значении) превратилась в "пивоваренный завод" (brewery) графа Текёли! (Дневник генерала Патрика Гордона. М., 1892. Ч. I. С. 176, 187; ср.: "Дневник", л. 20 об.—21, 44–44 об.).

⁷⁶ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 151.

Ввиду своих особенностей журнал Патрика Гордона не может служить всеобъемлющим источником о состоянии русского государства и общества, обо всех важных событиях на северо-востоке Европы во второй половине мятежного XVII в. Автор никогда не задавался такой целью. Его мало интересуют и остаются на заднем плане такие существенные предметы, о которых пишут современники, как жизнь православной церкви, положение крестьян, колонизация Сибири, русское судопроизводство и многое другое. Тем не менее, по хронологическому и географическому охвату (пол-Европы за полстолетия!), по широте и разнообразию содержания в эту эпоху "Дневнику" Гордона нет равных. Поэтому снова "нельзя не пожелать, чтобы наши историки... более, чем поныне, обращали внимания на этот драгоценный памятник"⁷⁷.

Д.Г. Федосов

⁷⁷ Там же. С. 182.

ПОЛКОВНИК И ИНЖЕНЕР ПРОТИВ БЛИСТАТЕЛЬНОЙ ПОРТЫ

А я ли виноват, что та подмога
Три целых дня тягалась о местах?

*Граф Алексей Толстой,
"Смерть Иоанна Грозного"*

Летом и осенью 1683 г. взоры почти всего мира, и христианского, и исламского, были прикованы к Вене, где решались судьбы Европы, — столица Священной Римской Империи была осаждена несметными силами Империи Османской. За могучим единоборством Запада и Востока, Креста и Полумесяца никто не следил более пристально, чем генерал-лейтенант Патрик Гордон (1635—1699), один из начальников русских войск в пограничном Киеве, не столь далеко от владений Габсбургов. Он не мог не представлять себя на месте венского коменданта, графа Рюдигера фон Штаремберга, — столь разительным было сходство с собственным недавним опытом. Всего пятью годами ранее Гордон руководил обороной Чигирина, гетманской столицы Правобережной Украины, от полчищ султана и его подданных с теми же полководцами во главе с великим везиром Кара Мустафой. Силы осаждающих, обоих крепостных гарнизонов и прибывших им на помощь армий были вполне сопоставимы¹. Стояло то же время года. И там и здесь главный удар османов был обрушен на цитадель (чигиринский замок и венский Бург), там и здесь противники бились за каждую пядь земли, являя замечательное мужество и стойкость (Чигирин держался дольше месяца, Вена — почти два). В обеих кампаниях с отличием участвовали украинские казаки, поляки, немцы и шотландцы, в обеих после бесконечного промедления, в самый последний миг к изнемогавшим защитникам подоспела выручка, и первый смелый натиск опрокинул османские заслоны. Даже возвышенности, на которых развернулись эти битвы (Стрельникова гора и Каленберг), лежат почти на равном расстоянии от самих крепостей (около 3 миль), и в обоих походах важнейшее значение для стратегии и тактики имели великие реки (Днепр и Дунай). В конце концов Вена была спасена, а Чигирин все же пал и обратился в пепел. Мысли царского генерал-лейтенанта по поводу таких сравнений точно неизвестны, ибо его журнал за 1683 г. отсутствует, но, перечислив турецких пашей под Чигирином,

¹ О силах враждующих сторон под Веной см.: *Wimmer J. Wien 1683. Warszawa, 1983. S. 151, 174, 175, 300; Urbanszki H. Karl von Lotharingen. Österreichs Türkenkrieger. Biographie. Wien, 1983. S. 97.*

он многозначительно добавил: “те же, кои были под Веной” (см. “Дневник”, л. 120)².

Жизненный и боевой путь Патрика Гордона за десятилетие между июлем 1667³ и декабрем 1676 г. почти не отражен в уцелевших томах его записок и может быть частично восстановлен по другим источникам. Некоторые из них содержатся в Приложении к настоящему изданию. Из собственноручного послужного списка явствует, что в эти годы он служил со своим драгунским полком в южных крепостях: Трубчевске, Брянске, Новом Осколе и других “против мятежных казаков”. В 1669 г., получив отпуск в родную Шотландию, где не бывал 18 лет, он наблюдал за сессией национального парламента, возвращался в кругах эдинбургской знати, неустанно и успешно хлопотал о выкупе и воссоединении родового поместья Охлухрис, а также удостоился почетного гражданства Эбердина — главного города своего графства.

Вскоре после возвращения в Россию Гордон был переведен в Севск, одну из важнейших твердынь на юге, где стоял с полком до 1677 г. и обзавелся большой усадьбой в городской Новонемецкой слободе. Обстоятельства его семейной жизни в эту пору от нас почти полностью сокрыты. Очевидно, в начале или середине 1670-х годов умерла его жена Катарина, урожденная фон Бокховен⁴, к которой он был горячо привязан; в издаваемом ныне томе “Дневника” ее имя ни разу не встречается. Старшие сыновья Джон и Джеймс обучались дома, в Севске, под надзором молодого немца Эрнста Готтлиба фон Берге; выбор педагога делает честь главе семьи — впоследствии он стал довольно известным в Британии и Германии литератором⁵. Но затишье в жизни русского шотландца и державы, которой он служил, оказалось недолгим.

Будучи искушен в политических событиях своего времени, Гордон еще в 1667 г. писал: “Ныне [Московия], пребывая в мире с Польшей и Швецией, обращает мало внимания на кого-либо из прочих врагов, [но] вскоре у нас хватит забот с турками и татарами, так что по крайней мере наши руки пригодятся”⁶. В 70-е годы предска-

² Здесь и далее при ссылаках на третий том (из сохранившихся) “Дневника” Гордона указаны номера листов подлинника, отмеченные в переводе.

³ См.: Гордон П. Дневник 1659–1667. М., 2002.

⁴ Она была дочерью нидерландского полковника, затем генерал-майора царских войск, Филиппа Альберта фон Бокховена, а по материнской линии, вероятно, принадлежала к роду Воан (Vaughan) из Уэльса (Steuart A.F. Scottish Influences in Russian History. Glasgow, 1913. P. 53).

⁵ Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. Иркутск, 1941. С. xiii–xiv.

⁶ Гордон П. Дневник 1659–1667. С. 214.

зание сбылось: Россия по существу впервые вступила в открытую борьбу с Османской империей, которую европейцы именовали Высокой или Блистательной Портой⁷.

Причины, ход и итоги первой русско-турецкой войны до сих пор недостаточно изучены, и даже в определении ее начала в исторической науке существуют заметные разногласия, порой в одних и тех же трудах⁸. Впрочем, не подлежит сомнению, что поводом к окончательному разрыву был переход из турецкого подданства в московское Петра Дорошенко, гетмана Правобережной Украины, в сентябре 1676 г. Почти все историки единодушны в том, что апогеем войны были Чигиринские походы 1677 и 1678 гг., а самое подробное и ценное их описание принадлежит одному из главных действующих лиц — Патрику Гордону. Однако мало кто опирался на подлинную рукопись “Дневника”, тогда как существующие издания оставляют желать лучшего.

На языке оригинала (английский с сильным шотландским “акцентом”) третий том этого источника никогда не публиковался. В середине XIX в. увидело свет внешне основательное, но в сущности неудачное немецкое “переложение” И. Штриттера и М.Ф. Поссельта⁹, с которого был сделан вторичный перевод на русский, используемый до сих пор¹⁰. Общий смысл подлинника и фактическую сторону дела это издание передает, но со множеством ошибок и неточностей. Чего стоит лишь указание численности трех стрелецких приказов чигиринского гарнизона в 1677 г. — 24 000 человек (у Гордона 2400 — л. 17), или искаженная оценка османских сил год спустя: “3000 спа-

⁷ La Sublime Porte (франц.) — “Высокие Врата”, от названия везирского дворца Баб-и Али в Стамбуле.

⁸ Статья Я.Е. Водарского озаглавлена “Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676–1681 гг.”, но в тексте указаны 1677–1681 гг. (Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 518, 521). А.П. Богданов утверждает, что Россия “объявила войну” в октябре 1672 и “зимой–весной 1673 г. начала военные действия” (Неизвестная война царя Федора Алексеевича // Военно-исторический журнал. 1997. № 6. С. 61). Б.Н. Флоря датирует начало конфликта еще раньше, маем–августом 1672 г. (Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 111). Н.И. Косиненко относит начало войны к 1674, Я. Виммер и В.Н. Заруба к 1676, А.Н. Попов, Н.И. Костомаров и С.Ф. Орешкова к 1677 г. (ссылки на этих авторов см. ниже). Правда, все сходятся на решающей роли Бахчисарайского договора 1681 г. в окончании войны.

⁹ Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Moskau, 1849. Bd. I; St. Petersburg, 1851–1853. Bd. II–III. Об этом переводе см.: Гордон П. Дневник 1635–1659. М., 2000. С. 235, 238, 239.

¹⁰ Дневник генерала Патрика Гордона. М., 1892. Ч. II. С. 97–194 (описание Чигиринских походов и осад).

гов, 10 000 других телохранителей и 50 000 крымских татар" (у Гордона: 30 000 сипахов, прочей гвардии 15 000 и 80 000 татар — л. 58)! Город Крылов превратился в "Кириллов", турецкая конница в "рейтар", бердыши в "алебарды" и т.д.¹¹ Имеются даже значительные пропуски и перестановки текста.

Не менее пострадал и авторский стиль, зачем-то переделанный в рассказ от третьего лица. Дж.М. Баллох, историк рода Гордонов, справедливо заметил, что немецкий перевод "бесцветен" и "совершенно уничтожает особенности языка" славного представителя своего клана¹². Характерная черта этого языка — сдержанность — представлена как бесстрастная сухость. Например, о нежелании пойманных дезертиров из драгунского полка идти в поход в переводе сказано, что они "охотно бы и не явились"¹³, а в подлиннике: "пришли столь же охотно, как воры идут на виселицу" (л. 58 об.). Опущена и латинская поговорка, которую мемуарист с горечью применяет к широко задуманной, но провалившейся вылазке осажденных ("гора родила мышь" — л. 93). Правда, любимые им изречения и литературные аллюзии в данной рукописи почти отсутствуют, что и неудивительно. Еще А.Г. Брикнер поражался, как можно было при таком бремени забот братья за перо в чигиринском пекле, к тому же с подобным постоянством¹⁴.

Третий том по форме и содержанию во многом отличен от других частей "Дневника". Он имеет наименьший из всех, половинный объем (240 страниц, около 42 000 слов), самый узкий хронологический и географический охват (менее двух лет, в течение которых Гордон следовал только по маршруту Москва — Севск — Чигирин). Мы не находим в нем ни копий монарших грамот, ни частных писем, ни финансовых документов, ни каких-либо тематических или жанровых отступлений, зато появляются рисунки оборонительных сооружений и уникальный план Чигирина, вероятно исполненные самим шотландцем и впервые публикуемые здесь. Из всех глав автобиографии солдата эта — наименее мирная и наиболее цельная. К сожалению, в подлиннике есть утраты, понесенные в ранний период, но едва ли при жизни автора: изъяты листы с записями от 5 апреля — 3 мая и 4—26 августа 1677 г., 13 марта — 27 апреля и 16—26 июля 1678 г.

¹¹ Там же. С. 147, 149, 152.

¹² Bulloch J.M. A Scottish Model for Russia's Red Army // Scots Magazine. New Series. June 1937. Vol. XXVII. P. 195—200.

¹³ Дневник генерала Патрика Гордона. Ч. II. С. 146.

¹⁴ Брикнер А.[Г.] Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878. С. 150. До сих пор это лучшее исследование о Гордоне на русском языке.

Однако учитывая условия создания и угрозу гибели, которой ежедневно подвергался его создатель, можно считать настоящим чудом, что этот том был завершен и дошел до нас. Несмотря на следы небольшой доработки, вполне очевидно, что почти все строки писались непосредственно на марше и в осажденном городе, даже если допустить, что ныне перед нами чуть более поздняя авторская копия. Удерживать в памяти столько подробностей, цифр и дат при последующем изложении просто невозможно.

Ранним утром 12 августа 1678 г. чигиринский комендант лишился "слуг, лошадей, доспехов, одежды, денег и всего, что имел при себе" (л. 106). И все же самое ценное ему удалось сохранить: палаш и пистолет, чтобы пробиться сквозь ряды османов, и несколько тетрадей осадной хроники.

* * *

К 70-м годам XVII в. Османская империя если и не пребывала в зените своего могущества, то еще не обнаруживала внешних признаков упадка, по крайней мере во мнении соседних держав. Великие визиры из рода Кёпрюлю и их преемник Кара Мустафа сумели преодолеть внутренние осложнения и возобновили завоевательные походы¹⁵. Череда войн с такими достойными противниками, как Венеция (1645—1669), Империя Габсбургов (1663—1664) и Речь Посполита (1672—1676), несмотря на отдельные неудачи, завершилась с честью для турецкого оружия. Были удержаны венгерские владения, захвачены и обращены в провинции (эялеты) остров Крит и Подоллия. Современники и историки единогласно отмечают неколебимую уверенность османов в своих силах, их высокомерное презрение к любому неприятелю и трепет европейцев перед "азиатским драконом"¹⁶. Помимо огромной численности войск турки славились осадным искусством и покорением крепостей: в эти годы один за другим ими были взяты Эршекуйвар (Нойхойзель), Кандия и Каменец-Подольский, считавшиеся неприступными. Естественно, Порта не могла смириться с утратой верховенства над гетманом Дорошенко, который был осажден в своей цитадели царскими войсками и вынужден присягнуть Москве. После этого карательная экспедиция турок на Укра-

¹⁵ Stoye J. The Siege of Vienna. New York, Chicago, San Francisco, 1965. P. 29—42; Орешкова С.Ф. Османская империя во второй половине XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. С. 5—24.

¹⁶ См. польскую поэму Александра Бучинского Яскольда в кн.: Величко С.[В.] Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Киев, 1851. Т. II. С. 416.

ину стала неизбежна и началась весной 1677 г. Средоточием борьбы стал "славный старинный град казацкий начальнейший Чигирин"¹⁷. Величие тех событий вполне осознавалось уже тогда, и их описание сразу вошло в киевский "Синописис" — первое и до самого XIX в. главное пособие по истории Украины и России.

Небольшой Чигирин имел исключительное политическое и стратегическое значение в середине XVII в., когда он сделался главной резиденцией Богдана Хмельницкого и последующих гетманов, даже соперничал с Киевом. Его замок высился над рекой Тясмин (Тясма) на единственной во всей долине Днепра каменной горе и считался лучшей крепостью Правобережной Украины. Гордон назвал этот город "знаменитым источником, колыбелью и столицей казачьего восстания против поляков" (л. 106). Царское правительство одно время питало сомнения, не стоит ли сосредоточить все силы на защите Киева, а Чигирин оставить или перенести на днепровский берег. Однако главнокомандующий русскими войсками на юго-западе, боярин князь Г.Г. Ромодановский, был убежден, что эту крепость "не держать и разорить отнюдь не возможно, и зело бесславно, и от неприятеля страшно, и убыточно не токмо Украине, но и самому Киеву зело будет тяжко"; гетман Иван Самойлович бил челом царю о том же: "естли... разоритца Чигирин, или неприятелю опустити завладеть, тогда де разве прежде разоренья или отдаче неприятелем сказать всем в Украине народом, что уж они Великому Государю непотребны... Во всем их казачком народе, всегда во устех то слово и намерение и дело: при ком Чигирин и Киев, при том и они все должни в вечном подданстве и верности и в тишине жити"¹⁸. Вняв этим разумным настояниям, Москва не жалела средств и усилий для обороны города.

Всю кампанию 1677 г. полковник Патрик Гордон со своим драгунским regimentом совершил в составе главной армии князя Г.Г. Ромодановского, причем по обыкновению действовал в авангарде. Особая ценность его журнала состоит в том, что ход военных операций освещен с двух точек зрения: личной, как видного участника марша полевой армии, и со стороны чигиринского гарнизона — на основе донесения коменданта крепости, генерал-майора Афанасия Трауэрнихта, и записок инженер-полковника Якоба фон Фростена. Со-

поставляя "Дневник" Гордона с отчетом об обороне Чигирина стрелецкого полуголовы Алексея Лужина и другими документами, П.В. Седов указывает на ряд неточностей в первом случае и прозрачно намекает, что Гордон мог исказить первоисточник, ибо враждовал с Трауэрнихтом и питал "чувство соперничества к более удачливому недругу", чье имя ни разу не упомянул в период осады¹⁹. Разумеется, любое историческое свидетельство нуждается в проверке и ни одно не может считаться непогрешимым. Накануне похода шотландец и впрямь сильно повздорил с Трауэрнихтом и даже хотел его "вздернуть" за наветы и шантаж (л. 1—1 об.). Однако здесь исследователь был введен в заблуждение неадекватным переводом "Дневника". Ведь Гордон не только называет имя чигиринского коменданта, причем не раз (л. 5, 17, 26 об.), и прямо ссылается на него, но и за весь срок его командования не говорит о нем ни одного дурного слова и даже оправдывает от обвинений в недостаточной готовности замка к осаде (л. 20). Сам факт получения и записи Гордоном отчета или устного рассказа Трауэрнихта, похоже, свидетельствует об их примирении. Не располагая оригиналом этой реляции, мы не можем судить, насколько полно она передана, но надо учесть, что в других случаях, когда включенные в "Дневник" документы до нас дошли, их сходство с приведенными там текстами подтверждает точность последних. Поэтому нельзя утверждать, что ошибки в описании событий, сделанном с чужих слов, принадлежат Гордону, а не его осведомителям. Как бы то ни было, Трауэрнихт показал себя умелым и отважным командиром и именно таковым, пусть и без хвалебных эпитетов, предстает под пером своего "недоброжелателя".

Первое прямое противостояние османской и русско-украинской армий в 1677 г. увенчалось победой царских войск, хотя до генерального сражения дело не дошло. Не сумев воспрепятствовать переправе Ромодановского и Самойловича через Днепр и их приближению к Чигирину, который держался из последних сил²⁰, турки и татары спешно отступили. Когда войска разошлись на зимние квартиры, Гордон решил осуществить свое давнее желание — уволиться с царской службы и вернуться на родину; он всегда считал себя подданным британской короны и должен был унаследовать фамильную усадьбу в графстве Эбердин. Это представлялось легко достижимым: в Москве тогда пребывал хорошо ему знакомый британский послан-

¹⁷ Гизель И. Синописис, или краткое описание от различных летописцев, о начале Славенского народа... СПб., 1798. С. 209; Грабянка (Грябянка) Г. Действия презельной и от начала поляков кривавой небывалой брани Богдана Хмельницкого... Киев, 1854. С. 223.

¹⁸ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР). СПб., 1884. Т. XIII. 1677—1678. С. 320, 323.

¹⁹ Седов П.В. Оборона Чигирин в 1677 г. // Российское государство в XIV—XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 486 и след.

²⁰ Там же. С. 499, 504, 505.

ник сэр Джон Хебдон (Иван Гебдон)-младший, который подал царю Федору Алексеевичу мемориал об отпуске Гордона от имени самого короля Чарлза II. Однако московские власти высоко ценили "шкотчанина", и даже королевская просьба не помогла. Вместо увольнения, скорее всего благодаря князю Ромодановскому (л. 29), состоялся указ о переводе Гордона в Чигирин, которому на сей раз угрожала вся мощь Османской империи. Расчет оказался верен: назначение было столь важным и опасным, что храбрый воин почел его за честь. Получив под команду помимо своих драгун еще и пехотный полк, он немедленно отправился в поход и в апреле 1678 г. приступил к новым обязанностям. По старшинству он был вторым лицом в чигиринском гарнизоне после воеводы Ивана Ржевского, хотя в перво-степенном вопросе крепостного строительства имел главное слово.

Может показаться странным, что Гордон хотел избавиться от официального чина инженера, поскольку это якобы "не являлось его призванием и не добавляет почета полковнику, хотя знание [инженерного дела] и потребно самым выдающимся, особливо военным лицам" (л. 33 об.). Но ведь истинная стихия боевого офицера — полебрани, и он, должно быть, очень опасался, что придется постоянно корпеть над сметами и чертежами и пропадать на строительных работах в тылу! К тому же на Западе статус "военного архитектора" пока еще ценился не слишком высоко. И все-таки инженером Гордон был, причем едва ли не лучшим в России того времени, что подтверждается самим его назначением в этом качестве на важнейшие передовые рубежи государства, а также ходом дальнейших событий. Он принадлежал к тому же поколению, что и реформаторы инженерной науки — великий француз Себастьян Ле Претр де Вобан (1633—1707), голландский барон Менно ван Кухорн (1641—1704) и саксонец Георг Римплер (ум. 1683), который, между прочим, укреплял против русских хорошо знакомую Гордону Ригу и погиб при обороне Вены от турок. Не исключено, что пытливый шотландец, весьма сведущий в европейских событиях, мог знать их труды или, по крайней мере, слышать о них, хотя почти все их трактаты были напечатаны уже после Чигиринских походов²¹.

Вобану приписывают слова: "вы укрепляйтесь не по системам, но по здравому смыслу и опыту"²², и сам он славился прежде всего как боевой инженер-практик. Именно таким был и Гордон, с молодых лет

²¹ Труд Римплера "Ein Dreyfacher Tractat von den Vestungen" был издан в Нюрнберге в 1673 г. и имелся в библиотеке другого известного русского шотландца — Якова Брюса (1669—1735), которого Гордон знал с юных лет.

²² The New Encyclopaedia Britannica. Macropaedia. 1978. Vol. 6. P. 864.

получавший навыки полевой и долговременной фортификации в шведской и польской армиях. В ходе Северной войны 1655—1660 гг. ему нередко доводилось участвовать и в осадах, и в обороне городов. Так, в сентябре 1659 г. польский гетман Любомирский взял сильную крепость Грауденц (Грудзёндз), воспользовавшись его советом²³. По обстоятельствам его службы и странствий шотландцу лучше всего были известны достижения североевропейской инженерной мысли (германской, шведской, нидерландской, британской). Он посещал и внимательно изучал укрепления Варшавы, Кракова, Гданьска, Гамбурга, Кёнигсберга, Пиллау, Лондона, Антверпена и всех главных городов Голландии, что отражено на страницах "Дневника". В августе—сентябре 1666 г. он осматривал форт Шенкеншанц на Рейне, "хорошо укрепленный и природою и искусством", а в Брюгге часто "гулял по стенам", знакомясь с "водными сооружениями и прочими достопримечательностями"²⁴.

Перебравшись в Россию, Гордон продолжал заниматься фортификацией. Летом 1677 г., во время сбора войск по пути на Украину, он построил предвратный рavelин в Курске (л. 7 об.—8). Весьма вероятно, что, проведя несколько лет в гарнизоне Севска, он участвовал в усилении и этой важной крепости²⁵. Уже в ходе чигиринских кампаний ему не раз поручалось устройство полевых укреплений и защита военных лагерей (л. 11—13 об., 118), с чем он успешно справлялся. Итак, назначение драгунского полковника инженером в Чигирин на пороге нового нашествия османов выглядит вполне закономерным, тем более что гетман Самойлович выражал недовольство прежним чигиринским инженером фон Фростеном, а его киевский коллега Николас фон Зален — человек, похоже, компетентный — считался уже "устарелым и больным"²⁶.

Гордон не был новатором в военно-инженерной области и использовал широко известные достижения бастионной системы, которая сложилась в Западной Европе, прежде всего в Италии, еще в XVI в. и затем совершенствовалась в других странах²⁷. Однако в России, за-

²³ Гордон П. Дневник 1659—1667. С. 10—12.

²⁴ Там же. С. 176, 181.

²⁵ А.Г. Брикнер утверждает это прямо, хотя и без ссылки на источник (Брикнер А.[Г.] Указ. соч. С. 44).

²⁶ В ноябре 1677 г. Самойлович "премного" и не раз просил царя о присылке инженера, "чтоб был в том мастерстве умеющей и совершенной, а не таков, что прошлого лета в Чигирине был" (АЮЗР. Т. XIII. С. 339, 389, 402); РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. 1678 г. № 19. Л. 5.

²⁷ Подробнее об этом см.: Яковлев В.В. История крепостей. М.: СПб., 2000. С. 50—72, 86—93.

метно отставшей от Запада в военной сфере, бастионное начертание вводилось иностранными мастерами только начиная с 1630-х годов и вплоть до Петровской эпохи преобладали традиционные, архаичные формы крепостного зодчества. Само звание инженера появилось лишь при царе Алексее Михайловиче и применялось тогда исключительно к иноземцам. Своими трудами Гордон заслужил почетное, но до сих пор не оцененное место в истории именно русской фортификации. Он показал себя приверженцем и знатоком тактики упорной, активной, глубоко эшелонированной обороны, призванной удерживать осаждающих как можно дальше и как можно дольше: по его убеждению, если и уступать, то только "дюйм за дюймом и быть теснимым с каждой позиции главными силами", чтобы "за один приступ [неприятель] не мог далеко продвинуться за наш счет" (л. 70). Поэтому он, единственный из всех членов офицерского совета, настаивал на починке и обороне передовой линии чигиринских "верков" — старого вала (л. 56 об.), расположенного в 216 сажнях от замкового рва.

В отличие от своего предшественника фон Фростена, который ограничился восстановлением старых стен и башен, Гордон значительно усилил и расширил оборонительные сооружения Чигириня посредством целой системы бастионов, рavelинов, фланков, теналей, ретраншементов и т.д. С самой уязвимой napольной стороны, на западе, он спроектировал и возвел обширный новый замок (кронверк) с тремя бастионами и вспомогательными постройками, который превосходил по площади старую цитадель. Его бесспорная заслуга состоит в том, что все это было прекрасно приспособлено к местности²⁸.

Укрепления строились из всех доступных материалов — земли, дерна, леса и камня. Есть основания полагать, что Гордон был намерен гораздо шире использовать каменоломню на замковой горе, но помешал недостаток времени и умелых мастеров. Приходилось постоянно преодолевать недоверие и противодействие русских офицеров и простых работников — стрельцов, солдат и казаков, которые считали размах строительства чрезмерным, не понимали и не принимали многого в "диких" проектах "немецкого" инженера. Очень любопытно, например, его рассуждение о соотношении высоты контрэскарпа и ложного ската, что само по себе "казалось странным для русских, как нечто, никогда не виданное прежде, и они всеми силами противились сооружению" (л. 50 об.—51 об.). В нижнем городе, который подчинялся не московским начальным людям, а представителям гетмана Самойловича, Гордон также часто бывал и

²⁸ В чем автор настоящей статьи убедился, посетив Чигирин и осмотрев остатки укреплений.

накануне и во время осады, давая указания для более надежной обороны. Правда, не все они были воплощены, ибо "казаки проявляли в этом большое нежелание со словами, что пришли биться, а не работать" (л. 87 об.). Изобретательность инженера проявилась и в "малых формах" — устройстве орудийных батарей (л. 52 об.), тележек для земляных работ (л. 43) и габионов для прикрытия бойниц (л. 44 об.). Несмотря на кое-какие упущения, большую часть задуманного удалось осуществить до подхода османских войск или довершить позднее.

Знатоки фортификации, возможно, найдут недостатки в планах и действиях шотландца, но факт остается фактом: за тридцать четыре дня искушенные в "осадных хитростях" османы, несмотря на непрерывные бомбардировки, минные подрывы и штурмы, смогли овладеть только одним пунктом первой, внешней линии укреплений, возведенных и защищаемых Гордоном. То была оконечность среднего бастиона нового замка, где образовалась брешь, захваченная турками, но он прикрыл ее ретраншементом и надежно блокировал дальнейшее продвижение неприятеля.

* * *

После первой неудачи под Чигирином Порты отнюдь не свыкла с поражением. Правительство султана Мехмеда IV низложило главных предводителей кампании 1677 г. — Ибрагима-пашу и крымского хана Селим-Гирея и объявило грандиозные военные приготовления по всем провинциям вплоть до Багдада и Египта²⁹. Секретарь французского посольства в Стамбуле де ла Круа, отлично осведомленный в замыслах султанского двора и дивана, свидетельствует, что Мехмед "решился скорее вести войну двадцать лет, чем не отвоевать сей город"³⁰. Особенно настаивал на отмщении великий везир Кара Мустафа, который и принял на себя сан сераскера (главнокомандующего). Все бразды военного и государственного управления находились именно в его руках, ибо султан отстранился от дел, предпочитая утехи гарема и охотничьих замков. Английский современник, живший в Стамбуле, называл Кара Мустафу "великим воином с весьма деятельным духом"³¹. Ветеран многих походов, везир знал, что может

²⁹ Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946. Т. II: XVII век. С. 145, 146.

³⁰ De la Croix. Guerres des Turcs avec La Pologne, La Moscovie et La Hongrie. Paris, 1689. P. 189. К сожалению, турецкие источники по Чигиринским походам, в частности самый подробный из них — "Хроника сияхдара" Мехмеда Фындык-лылы, не переведены на западноевропейские языки и были мне недоступны.

³¹ Stoye J. Op. cit. P. 41.

дие, включая 4 сверхтяжелых, "влекомых 32 парами буйволов каждое", 130 полевых пушек и 15 мортир (л. 58). В распоряжении осажденных было только 11 стволов крупного калибра, 68 средних и мелких и 4 исправные мортиры (л. 53 об.). Очень дурно обстояло дело с пушкарями, которых оказалось так мало, что к орудиям приставили необученных солдат. Вопреки доводам Гордона, Ржевский запретил пристрелку под предлогом сбережения боевых припасов, хотя их избыток пришлось потом уничтожить.

Едва обосновавшись под стенами, турки воздвигли батареи и открыли ураганный и весьма меткий огонь. Было немало дней, когда на замок и город падало более тысячи гранат и ядер — доньше обычная находка в чигиринской земле. Низкий уровень гарнизонных пушкарей не замедлил сказаться: Гордон сокрушался, что "большинство наших тяжелых снарядов тратилось попусту, тогда как турки редко не попадали в цель" (л. 63 об.). Много крепостных орудий было сбито с лафетов и повреждено, от турецких бомб вспыхивали опустошительные пожары, и "в новом и старом замках не было места, свободного или безопасного от гранат" (л. 78 об.). Казацкий летописец Величко тоже говорит, что пушки Чигирин были "порозбивани... мноюю арматною [орудийной] з шанцов турецких стрельбою", а осажденные могли отвечать лишь одним выстрелом на три или четыре вражеских³⁹.

Помимо значительного роста численной и огневой мощи османской армии, заметно преобразились ее боевой дух и тактика. По показаниям очевидцев в 1677 г. блокада не была плотной и поддерживалась "не круг всего города", так что в разгар осады, при свете дня в Чигирин с реющими стягами и барабанным боем проникла сильная подмога; защитники "толко одного будто замку и с одной стороны обороняли, а на нижней город [турки] не так крепко, как на замок, налягали"⁴⁰. Спустя год крепость и город были так обложены и стиснуты со всех сторон, что Ржевский и Гордон не видели возможности хотя бы послать гонца к своим главным силам (л. 70 об.). Сам великий везир, его паши и воины сознавали, что заплатят жизнью за поражение в решающем поединке (как и случилось после Вены) и дрались с яростью обреченных. Кроме всегда готовых на гибель янычар, в окопах находилось три тысячи смертников, которые часто бросались на штурм⁴¹. В "Дневнике" Гордона об этом напоминает случай с метким казачьим стрелком (л. 83).

³⁹ Величко С. [В.] Указ. соч. Т. II. С. 455.

⁴⁰ АЮЗР. Т. XIII. С. 283, 304, 338. Ср. "Дневник", л. 23 об.—24.

⁴¹ АЮЗР. Т. XIII. С. 636.

Чигиринский инженер мог по достоинству оценить осадное искусство противника, которое чуть позже, под Веной, впечатляло даже лучших западноевропейских специалистов⁴². Впрочем, в рядах османов состояли и западные, в частности французские мастера этого дела. Уже при осаде Кандии в 1667—1669 гг. турки применяли тактику постепенной атаки и сложную систему концентрических параллельных траншей, соединенных зигзагообразными сапами; одновременно сходные принципы воплощались и на Западе, например Вобаном под Маастрихтом в 1673 г. Участников чигиринских боев поражали "дивные промыслы неприятелские и шанцы, которыми всю гору перед крепостию и круг крепости и перед стеною городовою все места отвсюду обступили, страшные рвы и ямы неслыханные частые и плетеные..."; турок не останавливала и коварная чигиринская почва, то песчаная, то каменная: "в копании шанцов и камень един неприятелем не был препоною, понеже в нескольких местех и самую скалу, ко пробитию неудобную, пробивали"⁴³. Гордон тоже не раз отмечает "изумительные успехи" и быстроту турок в сооружении и прикрытии апрошей.

Самым предпочтительным и эффективным средством взятия крепостей у турок считалось минирование, которое в 1678 г. велось сразу в нескольких направлениях под стены замка и нижнего города. За время осады до 6 августа украинские казаки насчитали 25 подкопов неприятеля⁴⁴. В "Дневнике" такой статистики нет, зато есть много важных подробностей "подземной войны". Гордон показывает, что она была односторонней, ибо единственный гарнизонный минер (грек) погиб в первом же бою, а подполковник Лима был прислан ему на смену слишком поздно. Сам Гордон не был знатоком подкопного дела и не мнил себя таковым. Поэтому вместо контрмин в борьбе с турецкими подкопами осажденным пришлось ограничиться ямами-"отдушинами", вырытыми у подножья стен. До поры до времени это средство помогало, но даже присутствие опытных мастеров вряд ли привело бы к успеху, так как русские воины отказывались действовать в непривычных условиях глубокого подземелья (л. 73 об.). В конце концов именно турецкие мины решили участь Чигирин.

Всем названным преимуществам османских войск гарнизон мог противопоставить лишь прочность укреплений и собственную доблесть. День за днем, неделю за неделей русские ратники и украинские казаки "бодростию... храбрых начальников войсковых промыс-

⁴² Stoye J. Op. cit. P. 157. См. также: Wimmer J. Op. cit., passim.

⁴³ АЮЗР. Т. XIII. С. 367.

⁴⁴ Там же. С. 674.

лом мужественно противу тех неприятелей подвизахуся, так от стен градских всякою стрельбою стреляюще, и отбивающе, яко и из града исходяще, по шанцах поганских многое множество янчаров убиваху, и на поле частый бой сводяще, без числа турков и татар поражаху, и живых много начальных и общих поган имаху: яко толикому... православнаго воинства мужеству, промыслу, дерзновению и нарочитой храбрости богатырской зело дивитися бесурманом"⁴⁵. Не все защитники исповедовали православие (Гордон, некоторые другие офицеры, бойцы польской роты были католиками, были и протестанты), и, как явствует из "Дневника", "нарочитая храбрость" выказывалась не всеми и не всегда; однако он во многом подтверждает свидетельства украинских летописцев и донесения русских начальных людей.

Каковы бы ни были достоинства "Дневника", его, конечно же, следует сопоставлять с другими описаниями Чигиринских походов и осад и с документами тех лет, что позволит дополнить, уточнить или исправить содержащиеся в нем сведения. Гордон, хотя и старался поспевать везде, постоянно бывал и, по-видимому, ночевал в цитадели, часто консультировал казацкую старшину в нижнем городе, но все же, пребывая в новом замке, не мог в равной мере следить за происходящим на других позициях. Круг его обязанностей был широк, а городские укрепления имели большую протяженность. Например, передавая уникальные подробности первого боя с османами 9 июля на своем участке обороны, шотландец признает, что "об их уроне в людях мы не могли судить или узнать, ибо своих павших они унесли" (л. 60 об.). Но у других авторов это дело предстает не как отдельная, пусть и жестокая схватка, а как настоящий штурм: если верить Проскому, он длился более двух часов, причем турки потеряли одними убитыми 800 человек, не считая пленных, в том числе Капиджи-пашу, которого казаки поймали арканом; согласно де ла Круа, битва продолжалась целых четыре часа, а урон османов составил около двух тысяч⁴⁶. Подлинную картину событий можно воссоздать только путем привлечения всех данных.

В ряде случаев утверждения Гордона противоречат другим источникам, как, скажем, уже упомянутая оценка силы крымских татар во втором Чигиринском походе, которая представляется преувеличенной. Возможно, что он, напротив, преуменьшил численность отряда черкесов и калмыков, приведенного князем Черкасским на соединение с царскими войсками в конце июля 1678 г. (по "Дневнику" 2 ты-

⁴⁵ Гизель И. Указ. соч. С. 213, 214.

⁴⁶ Samuela Proskiego Dyaryusz... S. 360; *De la Croix*. Op. cit. P. 206.

сячи человек — л. 109 об., по другим данным 4 или 5 тысяч)⁴⁷. Однако в последнем случае Гордон прав в главном: терять больше двух недель на ожидание столь малого, к тому же нерегулярного, отряда русским воеводам явно не стоило. В принципе автор "Дневника" не был склонен ни к пустым домыслам, ни к намеренным искажениям фактов, так что, по крайней мере, часть неточностей и ошибок в его записках может объясняться сообщениями других лиц, которых он считал достойными доверия.

С другой стороны, многие данные "Дневника" твердо подкреплены независимыми источниками. Это касается и общего хода военных действий, и инженерных достижений шотландца⁴⁸, и сил и потерь сторон, а также отдельных деталей и эпизодов, на что указывал еще Е.Е. Замысловский⁴⁹. В качестве примеров можно привести обиду стрелецких голов на боярина Г.Г. Ромодановского за "предпочтение" казацкой старшины у него на пиру (л. 43 об.), обстоятельства гибели полковника сердюков Данилы Рубана (л. 57 об.) или взятие турками города Канева (л. 119 об.)⁵⁰. Нередко Гордон, которого иные русские историки винят в тенденциозности, предстает более объективным, чем официальные русские документы. Так, согласно последним, в 1677 г. под Чигирином было "побито неприятельских людей с 6 тысяч человек"⁵¹; Гордон тоже приводит эту цифру по отчету Трауэрнихта, хотя сам, "судя по местам их захоронения, мог предполагать не свыше 2000 убитых" у османов (л. 26 об.). Предвзятость, умаление русской победы? Но точно такое число называет и участник событий с другой стороны — "сербинин Дениско Григорьев"⁵². Подчеркну, что речь идет не об уроне турок в походе вообще, а только о прямых боевых потерях при осаде.

⁴⁷ Косиненко Н.И. Первая русско-турецкая семилетняя война: Чигиринские походы 1677–1678 гг. СПб., 1911. С. 59; АЮЗР. Т. XIII. С. 672.

⁴⁸ Мы располагаем двумя детальными планами Чигиринского города 1678 г., где в экспликации не принадлежащим Гордону почерком, на немецком языке, отмечен "кронверк, сооруженный полковником Гордоном" (БРАН. Рукописный отдел. Собр. илл. рукописей. F^o 266. Т. 4. Л. 38 (чертеж № 41); РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Киевская губ. № 13). См. иллюстрации и статью В.А. Ленченко к настоящему изданию.

⁴⁹ Замысловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1871. Ч. I. Введение. Обзор источников. С. 202.

⁵⁰ Ср.: Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Руина (1663–1687). Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича. СПб., 1905. Кн. 6. Т. XV. С. 299; АЮЗР. Т. XIII. С. 639; Грябянка (Грябянка) Г. Указ. соч. С. 230; Величко С.[В.] Указ. соч. Т. II. С. 465.

⁵¹ Седов П.В. Указ. соч. С. 499, 506.

⁵² "В шанцах де и на вылазках под Чигирином слышал он, что побито турков с 2000 человек" (АЮЗР. Т. XIII. С. 371–372).

Нечто подобное наблюдается и в 1678 г. Князь Г.Г. Ромодановский 5 сентября прислал в Москву такую роспись потерь чигиринского гарнизона: убито государевых ратных людей 332 человека, ранено 1047⁵³. Желание боярина скрасить неудачу кампании и оправдать свои, мягко говоря, нерешительные и неумелые действия, вполне понятно, хотя происхождение этих цифр остается загадкой. Журнал одного из командиров гарнизона, который ежедневно записывал убыль вверенных ему людей, показывает совсем другое. Согласно Гордону, потери только в новом и старом замках Чигирина и на вылазках с 9 по 31 июля (исключая десять дней с 16 по 25, когда записи утрачены) составили 390 убитых и 620 раненых, а с 1 по 10 августа — 267 и 459. Поскольку нет никаких признаков того, что во второй половине июля Кара Мустафа ослабил натиск, пробел в «Дневнике» может быть восполнен на основании среднего числа известных жертв, приходившихся на каждый день (29 и 47). Таким образом, можно предположить, что общий итог составляет 947 павших и 1549 раненых — почти в три и полтора раза больше, чем у Ромодановского, причем только среди «старого гарнизона», не считая урон присланных на помощь русских полков и казаков в нижнем городе и страшные жертвы роковых событий 11–12 августа. Число последних Гордон точно не определяет, да и вряд ли это было возможно; по «Дневнику» тогда погибло еще около 25 офицеров и по меньшей мере 1200 нижних чинов и казаков. А ведь в городе, несомненно, оставалось и немало мирных жителей! Возвращаясь к сравнению двух чигиринских осад, вспомним: в первую было убито около 800 казаков, 180 стрельцов и 48 солдат (л. 26 об.). Еще одно доказательство того, что гарнизону Ржевского, Гордона и наказного гетмана Животовского пришлось гораздо тяжелее, чем их предшественникам.

Пока чигиринские «обложенцы» сопротивлялись изо всех сил, каковы были действия главной русско-украинской армии под началом Ромодановского и Самойловича? По признанию Самойловича, то были «силные, каких еще в краях наших... никогда не бывало... войска, которые яко зело суть людны, також и достаточны пушками и всякими воинскими запасы...»⁵⁴ О «могучей армии» из 70 000 русских ратников и 40 000 украинских казаков говорит и Гордон (л. 107 об.), а с учетом подкреплений и резервов она ничуть не уступала противнику. Однако несмотря на то что ее путь к днепровским берегам был намного короче, чем для турок, указ царя «предварить

⁵³ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Оп. 13. № 1157. Л. 87–88.

⁵⁴ АЮЗР. Т. XIII. С. 608.

воинской приход [неприятеля] и не допустить его до Чигирина»⁵⁵ не был исполнен. В дальнейшем царские полководцы продвигались к цели буквально ползком, часто и подолгу останавливаясь. Предлогом было неведение — ударит ли Кара Мустафа на Чигирин или на Киев, хотя трудно понять, как можно прикрыть какой-либо из этих городов, находясь на левом берегу Днепра. Особенно причудливым выглядит внезапное решение русского командования изменить место переправы через Днепр из-за «узкого пути» (л. 54 об.—55): и воевода и гетман уже не раз ходили на правый берег и не могли не знать своего маршрута. Очередная задержка, естественно, «не пришлась по нраву» Ржевскому и Гордону.

Наконец, перейдя Днепр, Ромодановский и Самойлович предприняли единственный смелый шаг за всю кампанию. 3 августа они атаковали сильный корпус Каплан-паши и крымского хана, занявший выгодную позицию на Стрельниковой горе, после жестокого боя опрокинули его, захватили обоз и 28 орудий. Затем они приблизились на несколько верст к осажденному городу и установили тесную и беспрепятственную связь с гарнизоном. Турки и татары в смятении ретировались, начали вывозить из траншей тяжелую артиллерию и готовились снять осаду, пребывая «в столь великом ужасе, что никто не ложился спать в течение трех дней; они были уверены, что в любой миг христиане на них нападут»; сам Кара Мустафа «почти утратил надежду» взять крепость⁵⁶. Гордон, избранный военным советом гарнизона на место убитого Ржевского, уже предвкушал победу. Царский воевода и гетман имели полную возможность по меньшей мере освободить Чигирин, а то и разгромить неприятеля. Однако лавров избавителей Вены — короля Польши и герцога Карла Лотарингского — они не снискали.

В отличие от чигиринского похода 1677 и венской кампании 1683 г., османы после первого поражения не обратились в бегство, а продолжали осаду. После взятия Стрельниковой горы Ромодановский и Самойлович в течение восьми дней (!) не трогались с места. Гордон слал к ним гонца за гонцом, просил, заклинал — если и не давать генеральное сражение, то хотя бы ввести часть армии в город, для чего требовалось пройти верст пять по свободной дороге. Но все было тщетно. «Принцепали [вожди] войск христианских... стоячи на одном месцу обозами... без жадного воинского над турчином промислу, як щури з окоп своих виглядали, и знать иж не живота, но кончини чигиринской, з братиею своею в нем бывшею, дожидались» и «ко-

⁵⁵ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. II. С. 155.

⁵⁶ *De la Croix*. Op. cit. P. 213.

нец одного натуральным сургачем запечатывали”⁵⁷. Даже присылаемые к сильно поредевшему гарнизону подкрепления почти сразу же отзывались обратно: Гордон доносил боярину, что “не боится ни мин, ни приступов к замкам, ибо хорошо обеспечен от того и другого” (л. 94 об.), хотя и выражал сомнение в том, что люди, назначенные Самойловичем на смену ветеранам, смогут выдержать штурм. Отдавая должное отваге и воинскому искусству казаков, поборник шведской дисциплины отмечал, что “в крайностях они обычно неуправляемы” (л. 97 об.). К несчастью, эти опасения оправдались.

11 августа, после полудня, мощные взрывы мин потрясли стены нижнего города и османы хлынули в пролом. Казаки, многие из которых были новичками и к тому же подгуляли по случаю воскресенья, дрогнули и побежали к реке⁵⁸. Мост рухнул под их тяжестью, и “Тясмин так трупам человеческими наполнился, же мощно было другим по ним переходить”⁵⁹. Деревянные стены и строения города стремительно поглощали огонь. Среди всеобщего смятения и ужаса Гордон и часть гарнизона, сохраняя хладнокровие, отразили атаку на замок, сражались с врагом на улицах и площадях посада до самого вечера и отстояли Мельничные ворота — последний путь к спасению. Даже в этот отчаянный миг комендант все еще верил в победу: он брался выбить неприятеля из города, если ему дадут “пять или шесть тысяч добрых свежих солдат”, и со спокойным достоинством, подобающим отпрыску знатного рода, приказал подать к ужину свой серебряный сервиз (л. 100 об.). Но когда от воеводы пришел письменный приказ покинуть крепость, а многие солдаты и офицеры гарнизона стали думать только о своей безопасности, другого выхода не осталось. Уже под утро Гордон, оказавшись почти в полном одиночестве, поджег провиантский склад и пороховой магазин, что стоило жизни более чем четырем тысячам турок, которые ворвались в замок (л. 105 об.); согласно де ла Круа, под руинами цитадели нашли могилу более двух тысяч человек, но даже если принять последнюю цифру — для XVII в. это потери большого сражения, равные урону османов за всю осаду 1677 г. Тот же источник сообщает и подробность, которой у Гордона нет: сила взрыва была такова, что на шатер Кара Мустафы, стоявший на большом удалении, обрушился град камней и комьев земли, и великий везир был принужден выбраться из своего жилища⁶⁰.

⁵⁷ Величко С.[В.] Указ. соч. Т. II. С. 459, 460.

⁵⁸ Літопис Самовидця. Киев, 1971. С. 130; Грбянка (Грябянка) Г. Указ. соч. С. 228.

⁵⁹ Величко С.[В.] Указ. соч. Т. II. С. 461.

⁶⁰ De la Croix. Op. cit. P. 216.

Суть того, что произошло с Чигирином, можно выразить словами прозорливого современника:

“What boots it at one gate to make defence,
And at another to let in the foe?”⁶¹

Но дело даже не в падении нижнего города — командование русско-украинских войск не должно было доводить до этого. Попытки в исторической литературе оправдать действия князя Г.Г. Ромодановского и переложить вину на царя Федора Алексеевича и московское правительство⁶² совсем не убедительны. 17-летний болезненный отрок на русском престоле, в отличие от своего отца и младшего брата, не имел никаких склонностей или способностей к военному делу, лишь изредка покидал Москву для недалеких выездов на богомолье и не мог самостоятельно принимать указов государственной важности. Решения боярской думы могли быть (и бывали) непоследовательными и ошибочными, но не безрассудными и самоубийственными. Ни одно известное распоряжение не предписывало воеводам сдать Чигирин, что ставило под смертельную угрозу все достижения России на Украине. Напротив, царские указы неоднократно велели Ромодановскому “Чигирин и Киева крепко оберегать, и бояр и воевод и ратных людей в тех городех не выдать и не потерять”; хотя боярин и должен был вести поход с оглядкой на Москву, он все же имел полномочия “о всем чинить по своему разсмотрению, применяясь к настоящему делу”, т.е. проявлять инициативу по обстоятельствам; лишь в самом крайнем случае, если “никакими мерами отвести от того будет немочно”, допускалась возможность “свести”, т.е. разрушить Чигирин, но не отдать его неприятелю⁶³. Многочисленные свидетельства подтверждают, что этого вполне можно было не допустить. Очевидец похода, представитель другой враждебной османам державы Самуэль Проский, далеко не одинок в своем суждении: “Не переживет никогда такого позора Ромодановский, который, имея столь большое войско, на глазах у него дал пасть крепости, каковую, если бы не вывел опытных воинов, мог бы защитить”⁶⁴. Русский военный

⁶¹ “Что пользы биться у одних ворот, / А чрез другие пропускать врага?”. Джон Мильтон, “Самсон-Борец”, 1671 г. (перевод мой. — Д.Ф.).

⁶² Богданов А.П. Указ. соч. С. 70; Он же. Почему царь Федор Алексеевич приказал сдать Чигирин // Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 38—45; Он же. “Чигирин был оставлен, но не покорен”: наши солдаты и политики в Турецкой войне XVII в. // Историческое обозрение. М., 2003. Вып. 4. С. 20—44.

⁶³ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. II. С. 161, 162, 166—168.

⁶⁴ Samuela Proskiego Dyaryusz... S. 374.

историк начала XX в. приходит к следующему выводу об исходе битвы за Правобережную Украину: «главная причина неудачи — нерешительность русских полководцев и боязнь открытого столкновения с турецкими войсками... Вместо энергичного наступления для освобождения Чигирина, армия только угрожает противнику, располагаясь в виду крепости. Следствием этого непонятного бездействия упущен случай доконать турок после победы, и Чигирин взят на глазах у полевой армии»⁶⁵.

Второй Чигиринский поход перечеркнул все былые заслуги князя Г.Г. Ромодановского, который был немедленно смещен с должности и бесславно сошел с военно-политической сцены⁶⁶. Именно Чигирин стоил ему жизни во время стрелецкого бунта 1682 г. Часть ответственности, без сомнения, лежит и на гетмане Самойловиче, хотя в объединенном командовании он играл вторую скрипку.

Менее всех в судьбе Чигирина повинен его гарнизон, который самоотверженно исполнил свой долг, начиная с командиров. Воевода Ржевский был сражен в замке осколком гранаты; полковник Гордон получил несколько ран, в том числе пулей в лицо, сделал все возможное, чтобы спасти город, и выжил каким-то чудом. Некоторые историки старой советской школы, прежде всего Я.Е. Водарский и Н.А. Смирнов, в своих, впрочем, основательных работах, не допускали и мысли, что одним из главных героев обороны 1678 г. мог быть наемный чужак. Первый из них сожалел о переходе начальства к человеку, «не имевшему организаторских способностей и авторитета погибшего коменданта, да к тому же иностранцу»; второй полагал, что Гордон «дает в общем довольно односторонний материал не в пользу русских войск. Он всячески восхваляет себя и преувеличивает недостатки русских...», тогда как сам «не мог знать точно, что происходило в городе, хотя и считался комендантом. В дневнике он описывает свои... подвиги, но никак не последние часы обороны»⁶⁷. Показательно при этом, что на «Дневник», хотя бы и в несовершенных

⁶⁵ Косиненко Н.И. Указ. соч. С. 28, 78.

⁶⁶ Мое мнение о действиях князя Г.Г. Ромодановского отнюдь не ново. Его держались многие современники (Гордон, казацкие летописцы, поляк Проский, француз де ла Круа, голландец ван Келлер, да и сами московские власти, не замедлившие уволить боярина, которому грозила даже казнь или народная расправа). Эту точку зрения в той или иной мере разделяют и обосновывают такие историки, как А.Н. Попов, С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, Н.И. Косиненко и В.Н. Заруба. См. также: Davies B. The Second Chigirin Campaign (1678): Late Muscovite Military Power in Transition // The Military and Society in Russia, 1450 — 1917 / Ed. E. Lohr, M. Poe. Leiden, 2002.

⁶⁷ Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 527; Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 140, 157.

переводах, названные авторы практически не ссылаются. Они же провозглашают русских победителями в войне. Между тем после Бахчисарайского мира 1681 г. Россия (более чем на столетие!) потеряла Чигирин и все прочие завоевания на Правобережье Днепра, кроме Киева с ближайшей округой, фактически смирилась с османским протекторатом над этими землями, по-прежнему соглашалась платить унижительную дань крымскому хану, лишилась признания своей власти над Запорожьем, уронила свой престиж по всей Украине и в Западной Европе. Правда, худшего удалось избежать: главные силы, хотя и «безфортуны назад возвратишася»⁶⁸, не были разбиты и вскоре собрались вновь, а Порта заплатила за успех такую цену, что больше не посылала войска к Днепру и перенесла усилия с северо-востока на северо-запад.

Что касается роли полковника Гордона и его «самовосхваления», то большинство исследователей, причем разных эпох, наций и взглядов, полагают совсем иначе. В первом труде, посвященном русско-турецкой войне, А.Н. Попов отмечает, что он «неутомимо и постоянно распоряжался работами» в крепости, подчеркивает «значение человека, возведшаго все укрепления Чигирина и необходимого для их защиты», ради чего он «принимал все возможные меры», и заключает, что вывод об исходе осады («Дневник», л. 112 об.) «одного из главных участников в деле совершенно подтверждается всеми сохранившимися для нас известиями»⁶⁹. По мнению А.Г. Брикнера, «защита Чигирина может считаться чуть ли не самым важным подвигом всей военной карьеры его... Тут русские офицеры... сознавали и перевес западно-европейского военного искусства, и неловкость зависимости от иностранца, готового каждую минуту жертвовать своею жизнью и жизнью других для России и ее военной чести... Если бы все исполнили свой долг столь же ревностно, как Гордон, Чигирин, вероятно, остался бы в руках русских»; «рассказывая о разных подвигах своих, о страшных опасностях, которым подвергался, он никогда не обнаруживает хотя бы малейшего самолюбия», зато являет «самоотвержение и отчаянное мужество»⁷⁰. Н.И. Костомаров указывает, что «если бы Ромодановский послушался Гордона, то, вероятно, турки убежали бы от Чигирина»⁷¹. Согласно Н.И. Косиненко, именно шотландец был «душою обороны, выводя гарнизон часто из трудных положений» с «энергией и искусством», что подтверждает исти-

⁶⁸ Величко С.[В.] Указ. соч. Т. II. С. 464.

⁶⁹ Попов А.Н. Указ. соч. С. 304, 309, 310, 325.

⁷⁰ Брикнер А.[Г.] Указ. соч. С. 37, 42, 43, 134.

⁷¹ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 305.

ну половицы “не сильна засада огородою, а сильна воеводою”⁷². Наконец, В.Н. Заруба разделяет эту точку зрения: “ послушай воевода [Г.Г. Ромодановский] Гордона, война бы окончилась разгромом деморализованных двумя поражениями турок”⁷³.

Как неправославный наемный иноземец, Гордон не мог быть назначен старшим начальником в Чигирине, однако оказался на этом посту после гибели русского воеводы. Окольный И.И. Ржевский по отзывам современников предстает командиром “благоразумным” и “справным”⁷⁴, хотя опыт шотландца в боевом и инженерном искусстве был богаче. На страницах “Дневника” Ржевский, как и следует ожидать, появляется нередко, правда, без прямых оценок его действий. Судя по всему, отношения между двумя главными лицами были уважительными и довольно равными. Иногда у них возникали разногласия по вопросам обороны (л. 50, 53, 56 об.), а порой на военных советах и в деле окольный поддерживал Гордона (л. 72 об., 79 об.—80). Признаков умаления “губернатора” в осадной хронике не заметно. Вполне естественно, что в личном журнале автор прежде всего описывает собственные поступки и ощущения; к тому же большую часть времени он находился на передовом рубеже, в кронверке, тогда как Ржевский руководил обороной из верхнего замка, где и был убит.

Преувеличил ли Гордон недостатки русских войск? Едва ли. Во-первых, не стоит забывать, что его личный воинский опыт покоился не только на многовековых наследственных традициях шотландцев, известных по всей Европе и за ее пределами, но и на долгой службе в войсках с, возможно, лучшей в то время пехотой (Швеция) и кавалерией (Польша). Отсюда высокие стандарты, взыскательность оценок и требований к собратьям по оружию и подчиненным, отсюда и обоснованное, снисходительное, но не заносчивое чувство своего превосходства, как представителя западной военной школы. Во-вторых, описанные в “Дневнике” изъяны — “нетство”, слабая дисциплина и неповиновение, местнические счеты воевод, медлительность и несогласованность операций, низкий уровень инженерного искусства, артиллерии и прочее — являются общим местом во множестве других независимых источников, документальных и нарративных, русских и иностранных. В-третьих, это отразилось и в самом ходе русской во-

⁷² Косиненко Н.И. Указ. соч. С. 59, 88, 89.

⁷³ Заруба В.Н. Указ. соч. С. 65. Я намеренно не привожу здесь высокие оценки британских историков (Дж.М. Баллоха, Пола Дюкса, Грэма Хэрда и др.), которых можно было бы заподозрить в излишней симпатии к их соотечественнику.

⁷⁴ Грабянка (Грябянка) Г. Указ. соч. С. 226, 227.

енной истории XVII в. от Смутного времени до Нарвы, когда, несмотря на несомненные реформы и успехи и внушительную численную мощь царских армий, было проиграно немало сражений, осад, кампаний и целых войн.

Скорее можно удивляться сдержанности и такту мемуариста, который почти не позволяет себе резких, тем более уничижительных или злорадных слов. Он оценивает и судит, но осуждает крайне редко. Если он и впрямь желал выставить соратников в невыгодном свете, то почему бы не пояснить, при каких обстоятельствах потерял ногу его земляк и друг полковник Хэмилтон (л. 110)?⁷⁵ Говоря о малодушии и недостойном поведении некоторых офицеров чигиринского гарнизона (л. 84 об., 86 об., 101 и др.), Гордон не приводит никаких имен; единственное исключение — не русский, а немец, полковник Вестхофф, который покинул жизненно важный пост, не соблаговолив уведомить коменданта (л. 105 об.). Автор “Дневника” только упрекает, а не обвиняет князя Г.Г. Ромодановского, который мог и был обязан спасти Чигирин и уберечь от избиения сотни или даже тысячи людей, но не сделал этого. По-видимому, шотландец пребывал в хороших и доверительных отношениях с главнокомандующим, который нередко прибегал к его советам (л. 1 об.—2, 11, 85 об., 115—115 об.). Тем не менее Гордон прямо говорит о “недостатке у нас руководства” (л. 85), показывает это на многочисленных примерах и смело выражает свое возмущение перед лицом царских воевод (л. 105 об.).

На комплименты, в том числе самому себе, и изливания чувств Гордон так же скуп, как на упреки. Между тем ничуть не реже, чем недостойные поступки, он отмечает проявления мужества и верности долгу среди русских, казаков, да и османских воинов. Ими полон почти каждый лист его хроники. Можно представить, что он испытал, видя смерть офицеров своего полка Лэнделса и Ламсдена: первый более двадцати лет был боевым товарищем и неразлучным другом, со вторым он состоял в близком родстве. “Отличный и храбрый солдат” — только и сказано о Лэнделсе, но в устах Гордона нет более высокой похвалы. То, что многие назвали бы подвигом или героизмом, заслуженный полковник воспринимал как должное. О себе самом он, действительно, пишет больше, чем о других, — черта, обычно присущая дневникам и воспоминаниям. Но в данном случае это делается достаточно беспристрастно, без излишних порывов тщеславия, в чем может

⁷⁵ Это произошло по ошибке царских пушкарей (АЮЗР. Т. XIII. С. 748). Трудно представить, что Гордон этого не знал, будучи близко знаком и с Хэмилтоном и с гетманом Самойловичем, который доносил о его ранении царю.

убедиться любой объективный читатель. Даже о своей награде за ратные труды — о производстве в чине, что стоило ему всего, кроме чести и самой жизни, выборный комендант Чигирин не проронил ни слова и “вспомнил” лишь много лет спустя! Превозносить себя в личных записках, не предназначенных для печати и “всеобщего взора”⁷⁶, не имело бы никакого смысла и более самолюбивому человеку. Можно, конечно, не верить утверждению автора “Дневника”, что он готов был “скорее погибнуть, чем оставить свой пост или позволить кому-либо это сделать без письменного приказа” (л. 100—100 об.). Однако известные исторические свидетельства (не столь уж и скудные) не опровергают ни этого, ни подавляющего большинства других показаний Гордона. Зато подтверждается очень многое. Хотя ему предстояла еще долгая жизнь, полная странствий, походов и почестей, звездным часом русского шотландца стал именно Чигирин, который был “оставлен, но не взят” (л. 106). Как подобает капитану гибнущего корабля, комендант покинул крепость одним из последних.

Раньше всех подлинные заслуги Гордона оценило хорошо осведомленное (и вовсе не благодаря “Дневнику”) московское правительство. Сразу по завершении чигиринской эпопеи он был удостоен первого генеральского звания и поставлен одним из командиров гарнизона в Киеве, где ему надлежало “ведать пехотные, драгунской и салдацкие полки”⁷⁷, а также возглавлять большие инженерные работы. Во всех необъятных владениях царя тогда не было более важной крепости: достаточно вспомнить, что в “именовании” самодержца Всея России киевский титул шел сразу вслед за московским и, разумеется, был гораздо древнее. Знаменательно, что новое назначение состоялось по настойчивой просьбе правителя Украины — гетмана Самойловича, который имел наилучшую возможность убедиться, насколько “он, Петр [Патрик], к осадному времени... зело надобен”⁷⁸.

Имя последнего чигиринского коменданта зазвучало и в Западной Европе. В апреле 1681 г. “Лондонская газета” сообщала со ссылкой на известия из Москвы от 18 февраля: “Около шести недель назад сюда прибыл Патрик Гордон, чьи долговременные и выдающиеся заслуги во многих случаях стяжали ему в великой степени милость царя, который не только даровал ему звание генерал-майора, но и доверил ему главное управление военными делами в Киеве, и он соответственно отправился туда, дабы принять оную должность”⁷⁹. В ап-

реле 1686 г., во время визита Гордона в Лондон, его расспрашивал о “чигиринском деле” сам король Великобритании Джеймс II (VII)⁸⁰. Да и правители Речи Посполитой во главе с королем Яном Собеским, не спускавшие глаз с украинского театра военных действий, вероятно, припомнили молодого шотландского офицера, который некогда был их соратником. В сентябре 1680 г. голландский резидент при царском дворе барон ван Келлер передал секретарю польского посла в Москве письмо, полученное от “киевского коменданта” Гордона и “проливавшее свет на определенные вещи”⁸¹; быть может, речь шла о положении дел на Украине ввиду предполагаемого русско-польского союза против Турции.

Весьма возможно, что в 1678 г. защитники Чигирин, которые сковали войска Кара Мустафы более чем на месяц и обескровили их, спасли от разорения Киев и Левобережную Украину. По выражению гетмана Самойловича, крепость на Тясмине, “аки бы в устах [турок] будущая, костью им в горле стала”⁸². Османы признавались французскому дипломату де ла Круа, что “никогда победа не стоила им так дорого, что они потеряли свыше тридцати тысяч человек и еще не встречали более сильного сопротивления”; они особенно поражались мужеству украинских казаков, “кои, лишившись одной руки, сражались другою до самой смерти”; те, кто вернулся из похода, казались французу “скорее остатками после кровавого поражения, нежели победоносными войсками”⁸³. Не тех ли отборных воинов, что полегли на Украине, не хватило великому везиру, чтобы выдержать напор христианских армий под Веной? 25 декабря 1683 г. покорителя Чигирин, бежавшего из Австрии, задушили его же янычары по воле султана, а генералу Гордону еще было суждено взять реванш у Порты под другой ключевой крепостью — Азовом.

* * *

Рукопись третьего тома, в числе всех шести уцелевших частей “Дневника” Гордона, хранится в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве⁸⁴. Археографическое исследование, как и для уже изданных переводов первых двух томов, проведе-

⁸⁰ Джеймс был седьмым, кто носил такое имя из королей Шотландии. Этот разговор упомянут в четвертом томе “Дневника”. РГВИА. Ф. 846. Оп. 15. № 4. Л. 123.

⁸¹ Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук. Колл. 40. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 186.

⁸² АЮЗР. Т. XIII. С. 365.

⁸³ *De la Croix*. Op. cit. P. 229, 232.

⁸⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 15. № 3.

⁷⁶ Согласно предисловию Гордона к “Дневнику”. — Гордон П. Дневник 1635—1659. С. 5.

⁷⁷ См. Приложения, документ № 16.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ London Gazette. № 1611. 25—28 April 1681.

но М.Р. Рыженковым, который любезно предоставил его итоги для данной публикации.

Подлинник третьего тома написан, как и первые два, на бумаге форматом в четверть листа (in 4°). Полулисты, сложенные в тетради, переплетены в единую книгу. В отличие от двух предыдущих томов авторская пагинация отсутствует, имеется лишь позднейшая архивная нумерация листов. Текст размещен по обеим сторонам листа и занимает площадь 15,5–16,5 × 11,5–12 см; размеры полей: сверху 1,5–2 см, слева 1,5–2,5 см, справа от 2,5 см до полного отсутствия, внизу 1,2–2 см.

Весь текст написан рукою автора, но объем единовременных записей сильно колеблется. Примерно до середины тома Гордон успевает заполнить от 5–7 до 15–20 листов, пользуясь одним и тем же пером и чернилами. В дальнейшем записи становятся более краткими, иногда всего в несколько строк. Пропусков или оставленных чистых листов, как во втором томе “Дневника”, в этом манускрипте нет. В то же время имеются многочисленные приписки, сделанные автором к первоначальному тексту. В той части журнала, где речь идет о событиях осады Чигирина в 1678 г., после описания происшествий очередного дня Гордон, видимо, позднее дополнял свои записи сведениями о количестве выпущенных по городу артиллерийских снарядов и потерях осажденных (л. 69–94 об.). Это можно объяснить только тем, что эти данные оказывались в его распоряжении уже после того, как соответствующий фрагмент был написан. На листах 45–46 и 66 об.–67 имеются рисунки автора, представляющие оборонительные сооружения, сделанные по его плану. Последний лист (121) содержит план города и замка Чигирина. Оригинал испещрен множеством чернильных и карандашных помет читателей или переводчиков XVIII–XIX вв. на немецком, французском и русском языках.

Филигранные бумаги, использованной в третьем томе “Дневника”, не отличаются большим разнообразием. Среди них двуглавый орел (л. 11–46), дама с кавалером и литерами ALLEMODEPAPIER (л. 53) и голова шута (л. 58–86). Аналогичные водяные знаки встречаются и в первом томе⁸⁵. Мы имеем дело с бумагой, достаточно распространенной в конце 1670-х годов. Таким образом, можно допустить, что третий том составлен одновременно или вскоре после описываемых событий.

Переплет рукописи по материалу и технике исполнения сходен с переплетом первого тома, но находится в более ветхом состоянии. Очевидно, он не был отреставрирован в 30-е годы XIX в., как два

первых тома. Гораздо позднее он подвергся довольно грубому поновлению, причем крышки по краям были подклеены коленкором. Размер верхней и нижней крышек переплета 20,5 × 16 см, толщина книжного блока с крышками 2,8 см. Переплет цельнокожаный по картонным крышкам; кожа гладкая, темная. Торцы книжного блока покрыты красной краской, без каких-либо украшений. Защитно-декоративные накладные элементы отсутствуют. Из имевшихся первоначально четырех ременных завязок сохранилась одна, остальные заменены тесемными.

Изношенность кожи переплета не дает возможности в полной мере судить о тиснении на крышках и корешке. На сохранившемся фрагменте средника нижней крышки различима фигура Богоматери с младенцем, в венце и со скипетром в правой руке. Она стоит на некоем подобии ладьи (или на полумесяце?). Следы тиснения на верхней крышке переплета едва заметны. Техника тиснения аналогична переплету первого тома “Дневника”. Можно даже предположить, что оба переплета изготовлены в одной мастерской, но худшая сохранность третьего тома не позволяет говорить об этом с полной уверенностью. По-видимому, эта часть журнала была доработана и переплетена в Киеве, куда Гордон получил назначение на службу в конце 1678 г. На более точную датировку окончательного оформления третьего тома указывают описки автора в колонтитулах — 1679 и 1681 гг., а также намек на осаду Вены 1683 г.

* * *

В заключение издатель настоящего труда выражает глубокую благодарность за постоянную и многообразную помощь в его подготовке сотрудникам Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива древних актов и Государственной публичной Исторической библиотеки России. За возможность углубиться в архивы и библиотеки Шотландии и еще ближе узнать прекрасную родину Патрика Гордона в октябре–декабре 2002 г. я весьма признателен Королевскому Эдинбургскому Обществу (Шотландская Национальная Академия Наук и Словесности), Каледонскому Фонду Исследований, а также моим друзьям и коллегам Полу Дюксу, Тэму и Кэтлин Далйелл, Кену и Элспет Рид, Фрэнку МакГуайру, Меррею Фрэйму и покойному Джону Эриксо-ну, чьей памяти я посвящаю эту книгу.

Д.Г. Федосов

⁸⁵ Гордон П. Дневник 1635–1659. С. 247.